

В. Болдырев

ПОЛУОСТРОВ ЗАГАДОК

Сканирование: [Ecce Homo](#)
Обработка: [krestik](#)

Путешествия Приключения Фантастика

В. Болдырев

ПОЛУОСТРОВ ЗАГАДОК

рассказы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

В далеких странствиях бывают удивительные приключения, неожиданные встречи, и рассказы этой книги не выдуманы. **В** основе их лежат действительные события, участником и свидетелем которых был автор — биолог и географ, проводивший двадцать с лишним лет в различных экспедициях на дальнем севере Сибири.

ХУДОЖНИК И. И. СТАРОСЕЛЬСКИЙ

ЧЕРНОЕ ПОКРЫВАЛО

Профессор Дементьев нетерпеливо прохаживался вдоль застекленных витрин зоологического музея, рассматривая на беркутов и орланов, пестрых ястребов и лысоголовых грифов, застывших на спиленных сучьях.

— Соберите коллекцию птиц полуострова — зачем вам практику по зоологии. Однако не забывайте, главная цель экспедиции — добыть музею сибирского кречета... Не думайте, что это очень просто...

Короткий разговор с профессором положил начало этой истории.

Сибирский кречет — птица редкая, гнездится далеко за полярным кругом, на границе леса и тундры. Разыскать пугливого редкостного сокола и подстрелить его мало кому удавалось.

...Весной 1938 года в летние каникулы я отправился в охотничью экспедицию и плыл теперь по широкой и быстрой реке, забираясь в глубь полуострова Малый Ямал, к последним островкам лиственничного редколесья.

Река несла бревенчатый плот среди глухой необитаемой тундры. Болотистая равнина поднималась к горизонту, похожая на щит, изъеденный ржавчиной. Часто река врезалась в пологие увалы, и тогда берега мрачными ярами обрывались к чернильной воде. Необычайный, темный цвет речной воды оттенял дикую красоту северной пустыни.

Словно играя, сильные струи потока отбрасывали плот к берегу и прижимали к песчаным отмелям. Приходилось подымать тяжелое рулевое бревно и гнать плот обратно на стрежень, где с клеточкой бурлили воронки, втягивая хлопья пены.

Река, изгибаясь петлями, блуждала по тундре. Плот проплывал за сутки длинный путь, но пройденное расстояние по прямой едва превышало пять километров.

Борьба с течением выматывала силы, отнимала уйму времени. Но бросить плот и двигаться пешком напрямик было невозможно. На плоту, укутанные в палатку, стояли пять вьючных ящиков, доверху набитые птичьими шкурками. В этой великолепной коллекции пернатых обитателям ямальского севера не хватало лишь сибирского кречета...

Далекую факторию я покинул два месяца назад, рассчитывая через неделю достигнуть одиноких островков редколесья в ямальской тундре. Исполнив поручение профессора, я думал спуститься к рыбацкому поселку в устье реки и с первым судном вернуться домой на «Большую землю».

Таковы были расчеты, увы! не оправдавшиеся, и теперь приходилось пожирать плоды своей неопытности.

Одежда изорвалась, и пестрые заплатки едва удерживали ее от окончательного разрушения. Руки огрубели и покрылись ссадинами. Лицо, багровое от полярного загара, обветрилось, а давно не стриженные волосы выбивались из-под фетровой шляпы, измятой, словно лист лопуха.

Продовольствие кончилось. Выручало ружье. В тихих заводях в осоковой гуще ютилось множество непуганых уток и гусей. Они плавали табунками. Стрелять

можно было на выбор, точно в тире, и мне пришлось по неволе стать пожирателем птиц.

Полярный круг остался позади. Плот плыл в краю «вечного» летнего дня. С непривычки плохо спалось. По времени сейчас была глубокая ночь, однако над тундрой тлело, как раскаленный уголь, полуночное солнце. Небо красили нежные, словно размытые блики радуги, а перистые облака отливали перламутровым сиянием.

Я не обращал тогда внимания на странную игру света в облаках. Одолевала усталость. Глаза слипались, руки едва ворочали набухшее рулевое бревно. Пора было устраиваться на ночлег.

Но причалить плот не мог. Река, подмывая берег, обрушила его часть. Сталкиваясь с полузатопленными тяжелыми глыбами, плот трещал. Вода захлестывала сбитые бревна. Глинистые столбы, нависая с обрыва, грозили новым обвалом.

И вдруг необычайный корень на берегу приковал мое внимание. Из темной кручи недавнего обвала торчал кривой бивень...

Течение увлекло плот к обрыву. Схватив конец буксирной веревки, я выпрыгнул на илистую отмель и зацепил петлей за бивень, прочно засевший в мерзлой глине. Буксир натянулся, и плот прибило к берегу.

Это был редкий по величине клык мамонта. Поспешно вытащив лопату, я принялся за раскопки. Земля, скованная вечной мерзлотой, сопротивлялась железу. Пришлось долбить вокруг костяного ствола глубокий шурф. Наконец, бивень качнулся и осел набок. Но и теперь своей тяжестью он сдерживал плот не хуже якоря. Глубокая трещина у основания бивня открывала молочную белизну кости.

Череп мамонта в яме не оказалось. Вероятно, костяк древнего животного остался в обрыве под слоем мерзлых глин.

В Сибири в речных отвалах издавна промышляют «мамонтовую кость». Множество бивней мамонта обнаружено на Новосибирских островах. Там найдены целые кладбища мамонтов. Часто находят бивни и в тундрах полярной Якутии.

Сибирская мамонтовая кость ценилась выше слоновой с побережья Анголы и Золотого Берега экваториальной Африки...

Дикий, пронзительный крик прервал мои палеонтологические раскопки.

«Кееек-кееек-кееек...» — неслось с глинистых башен обрыва.

«Кьяк-кьяк-кьяк...» — откликалось эхо.

Я выскочил из ямы. Сверху стремительно слетел большой пестрый сокол. Мелькнули длинные острые крылья, тупая голова и почти белая с редкими пестринами выпуклая грудь.

Кречет?

Я не верил глазам. Прыгнул к ящикам, рванул ружье... Сокол, промчавшись над головой, скрылся за выступом обрыва.

«Кееек-кееек-кееек», — послышалось вдали.

«Кьяк-кьяк-кьяк», — тихо повторяло эхо.

Так вот ты каков!

Сокол ушел от верного выстрела. Может быть, гнездовья сибирского кречета уже близко? С трудом взвалив на плот пятипудовый бивень, я поспешно покинул «Берег мамонтовой кости».

Течение закрутило плот и снова бросило к подножию обрыва.

Счастливая мысль помогла одолеть течение. Захлестнув клык мамонта мертвым узлом буксира, я спустил тяжелый груз за борт. Костяной «плуг» начал бороздить дно, удерживая плот на фарватере. Руки отдыхали.

Река вырвалась на простор тундры.

Бросив весло, я взобрался на выючные ящики и поднял бинокль. Темно-зеленые лиственницы сошлись на песчаных берегах редкими куртинами. Деревья росли на песчаных террасах там, где почву хорошо пригревало летнее круглосуточное солнце.

Вытанув бивень из воды, я погнал плот к лесистому берегу и, причалив, быстро растянул палатку среди мохнатых лиственниц у реки.

Неяркое полуночное солнце просвечивало сквозь деревья. Черный узор ветвей отчетливо выделялся на красновато-оранжевом сплюсненном диске.

Гнездятся ли здесь сибирские кречеты? Соколов нигде не было видно.

Следовало хорошенько выспаться перед трудной охотой. Я забрался в палатку и крепко уснул на спальном мешке, не залезая в него.

...Проснулся от гнетущего ощущения какой-то пустоты. Было темно, точно в погребе.

Ослеп?! Засыпан обвалом?

Протянув руки, я пошарил кругом, как слепой. Вдруг пальцы коснулись холодного, мягкого, как показалось, живого тела. Вскрикнув, я отдернул руку... Сердце стучало, капли пота катились по лицу.

Спички ломались и гасли, не слушались пальцев. Последняя спичка вспыхнула, осветив палатку и нехитрые мои пожитки: патронташ и ружье у изголовья, флягу на ремне, закопченную кастрюлю на примусе, резиновые сапоги у спального мешка. В темноте пальцы коснулись холодного сапога...

Спичка потухла, и палатка провалилась в пропасть тьмы.

Куда девалось солнце?

Летом в полярной тундре солнце светит круглые сутки, никогда не опускаясь за линию горизонта.

Пришлось зажечь свечу. Часы показывали 10 утра. Поспешно натянув сапоги, я выбрался из палатки и потушил огонь.

Стояла черная ночь. Даже белая парусина палатки не различалась в густой тьме. Вода в реке угадывалась только по плеску. Звезд не было видно, словно их затянули бархатным занавесом. Небо и земля сливались в черную пустоту, лишенную признаков света.

Тундра притаилась, словно перед бурей.

Поразительное явление тьмы среди полярного дня объяснить затмением солнца было невозможно. Наступление затмений астрономы предсказывают очень точно, заранее извещая о них. Уменьшение дневного освещения даже при полном солнечном затмении непродолжительно, а беспросветного мрака никогда не наблюдалось.

...Внезапно в небе вспыхнула кроваво-красная туманность. Она то расплывалась в бесформенное облако, то сжималась над горизонтом в багровый клубок. Потухая, туманность снова загоралась странным, наплывающим светом, словно предвещая грозный космический ураган.

В голову лезли обрывки университетских лекций по землеведению. Вспоминались мрачные предвестники стихийных бедствий, пережитых человечеством.

Почти девятнадцать веков назад, впервые проснувшись, Везувий выбросил с потоками лавы громадную тучу пепла. Она заслонила солнце, и наступила такая тьма, какая бывает в наглухо закрытой комнате при потухшей лампе. Во время извержения Везувия погибли жители всех деревень на его склонах и были погребены под вулканической грязью и раскаленным пеплом многолюдные города: Помпеи, Геркуланум и Стабия.

В ясное тропическое утро 26 августа 1883 года черная туча затмила солнце над Зондскими островами. На землю опустилась непроглядная тьма. Тяжелые удары сотрясали землю и море. На корабли обрушились волны невиданной высоты. Пошел дождь из пепла и жидкой грязи. Молнии рассекали черное небо, раскаты грома рассыпались с оглушительным треском, падал град из пемзы, ранивший людей.

Произошел сильнейший вулканический взрыв. Две трети вулканического острова Кракатау в Зондском проливе взлетело на воздух. Вал океанской воды высотой в тридцать метров смыл прибрежные поселки и приморские города на ближайших островах. Воздушная волна от взрыва три раза облетела вокруг земного шара...

С тревожными мыслями я принялся укреплять палатку. Двигаясь на ощупь, притащил бивень мамонта, туго натянул оттяжки, а ящики с птичьими шкурками обвязал веревками и упрятал в палатку.

Пошел мелкий моросящий дождь, слабый ветер подул с севера.

В 10 часов 30 минут в северной части горизонта появилась светло-оранжевая полоса: она то расширялась, то сужалась, словно над горизонтом колебался край огромного черного покрывала. Через полчаса в центре небосвода загорелись оранжевые облака. Они клубились и переползали с места на место. Вид пылающего неба был мрачен.

Вскоре черная ночь сменилась густыми сумерками. Из тьмы выступали мохнатые силуэты лиственниц. Смутно забелела палатка. У берега тускло блеснула заводь. Там тихо плавали утки, гагары и крохали. На песчаной отмели стояли гуси и, вытянув длинные шеи, к чему-то прислушивались.

Я взобрался на высокое дерево. Яркая полоса на севере расширилась и мерцала теперь зеленоватым сияни-

ем. Черный занавес уходил к югу. Из мрака медленно выплывала помертвевшая тундра. На макушках близких лиственниц торчали странные фигурки. Мне показалось, что кругом на деревьях сидят черные карлики, жадно вглядываясь в посветлевший горизонт.

Вытащив из футляра бинокль, я с любопытством прильнул к стеклам, рассматривая человечков на деревьях. Сильные линзы двенадцатикратного бинокля приблизили их — мигали круглые блестящие глаза, криво нависали хищные клювы.

Да ведь это кречеты!

Скатившись с дерева, я кинулся в палатку, надел патронташ и, схватив ружье, углубился в лиственничное редколесье.

Ночь среди дня испугала птиц. Они не обращали внимания на человека и на гремевшие выстрелы. Я подходил к подножию деревьев и стрелял без промаха. За полчаса на островке леса шириной в триста шагов удалось добыть двенадцать редких соколов.

Сгустившиеся сумерки прекратили охоту. Оранжевые туманности в небе потухли, и светлая полоса над горизонтом исчезла. Вновь наступила непроглядная тьма. Светящиеся стрелки часов показывали полдень...

Вернется ли солнце? Откуда взялась пелена, поглотившая солнечные лучи над землей?..

Пришлось набрать сухих сучьев и зажечь костер. Вспыхнувшее пламя осветило красноватые стволы лиственниц и пушистые лишайники, устилавшие землю.

Свет во мраке действовал успокоительно. Разложив добычу, я любовался бесценной коллекцией кречетов. Темные перышки пестрили белое оперение птиц, блестяли синеватые клювы и черные когти хищников. Двухмесячная экспедиция увенчалась неожиданным успехом.

Опять на севере появилась узкая светлая полоса. Расширяясь, она медленно надвигалась, вытесняя черноту неба.

Спустя час светлая полоса захватила полнеба. Над палаткой за клубились красновато-бурые облака. Северный ветер гнал их на юг в тьму.

Бледный оранжевый свет заливал тундру. Казалось, что смотришь на мир сквозь цветные очки.

Но вот облака поредели, и золотые лучи солнца пронзили багровые тучи. Ветер развеял их, открыв высоко в

небе мелкие перистые облачка, переливавшиеся радужным сиянием.

Тундра просыпалась. Птицы поднимались в воздух и летали во всех направлениях, приветствуя вернувшееся солнце...

Через неделю после необъяснимого затмения плот благополучно достиг рыбацкого поселка в устье реки.

Два месяца я не видел людей и теперь с радостным волнением считал светлые домики на берегу полярного океана. Строители не успели еще убрать стружки с широких улиц, проложенных среди тундры. Карликовые березки стлались по земле, словно не хотели уступить места человеку. Листочки их покраснели, предвещая наступление осени.

У причала грузилась двухмачтовая шхуна с красным выпелом. На песчаной отмели пытел трактор, вытягивая длинный невод. Рыбаки в лодках спешили к берегу, и над ними вились чайки.

Бревенчатый плот с одиноким пассажиром не привлёк особого внимания. Рыбаки приняли меня за лесоруба, пригнавшего строительный лес для поселка.

Шхуна уходила в Салехард с полуденным ветром, и я поспешил на телеграф сообщить музею о благополучном завершении экспедиции.

Радист полярной станции, отправив телеграмму, рассказал интересные подробности недавнего затмения.

Яркий свет круглосуточного полярного дня померк на берегу моря в восемь часов утра. Облака приняли желтоватый оттенок, затем окрасились в кроваво-красные тона. Внезапное потемнение привлекло всеобщее внимание жителей поселка. В домах зажигались огни. Люди выходили на улицу, с тревогой оглядывая грозное, темнеющее небо. Облака, словно наливаясь черной тушью, поглотили остатки света.

Наступила абсолютная тьма. Обитатели поселка собрались у полярной станции. Начальник станции переговаривался с Салехардом, дальними таежными факториями и полярными станциями Таймыра.

Пояс затмения растянулся от Игарки на Енисее до южного Ямала в устье Оби. Во мрак погрузилась огромная полоса местности у полярного круга шириной в 250 и длиной в 600 километров. Причина загадочного явления осталась неизвестной...

Шхуна прибыла в Салехард без приключений. С первым рейсовым самолетом я отправился на «Большую землю», подоспев к началу университетских занятий.

Коллекция сибирских кречетов обрадовала профессора. Из двенадцати добытых соколов пять оказались почти белыми. Окраской перьев они походили на кречетов Таймыра и Чукотки. Остальные птицы были пестро-серые и напоминали лапландских соколов. На Малом Ямале мне посчастливилось добыть образцы, свидетельствующие о влиянии климата на окраску птичьего пера.

Но объяснения ямальскому затмению я долго не находил. Разгадать тайну «черного покрывала» мне удалось лишь совсем недавно.

Просматривая в университетской библиотеке рукописи о старинных соколиных охотах, я хотел определить географическое распространение кречетов в прошлом. И вдруг в объемистых комплектах журнала «Русские летописи» я прочел заметку астронома геофизической обсерватории. Изучая киевские летописи, он описал редкие случаи затмений в древней Руси, не совпадавшие с вычисленными затмениями солнца.

Время недавно минувших и будущих солнечных затмений астрономы вычисляют с точностью до секунд, и автор полагал, что случаи, описанные в летописях, нельзя объяснить астрономическими причинами.

Событие, случившееся в Италии в 1813 году, объясняло, по мнению ученого, происхождение «ложных затмений».

Однажды после полудня сильный восточный ветер принес со стороны моря густую розовую тучу. Туча заслонила солнце, цвет ее стал огненно-красным, затем почти черным. В четыре часа дня приморский город погрузился во мрак. Небо светилось, как раскаленное железо. Загремел гром, и начали падать крупные капли красноватой жидкости. Лишь к ночи туча рассеялась, открыв ясное небо.

В каплях «кровавого дождя» итальянские ученые обнаружили мельчайшую красноватую пыль, принесенную ветром из Сахары.

Сходство описанного явления с ямальским затмением было поразительным. На Ямале не выпадал лишь «кровавый дождь». Неужели ветер перенес пыльную тучу из Сахары в полярные тундры низовий Оби и Енисея?!

В этот день пришлось остаться в библиотеке до вечернего звонка.

Перевернувши метеорологические журналы, я убедился, что в 1938 году не наблюдалось затемнения солнечного света между Средиземным морем и полярным кругом.

— Может быть, свет солнца над Ямалом заслонило облако вулканического пепла? Мелкий пепел во время вулканических извержений соединяется в плотные светонепроницаемые тучи. Пришлось засесть за литературу о вулканах.

История сохранила достоверные описания сильнейших извержений Везувия и вулканов Камчатки, колоссальных вулканических взрывов на островах Кракатау и Мартинике. Однако во мрак погружались лишь окрестности вулканов на десятки, редко на сотни километров вокруг. Дальше пепел оседал на землю, и вулканические тучи рассеивались.

Ямальский полуостров удален от вулканических областей на тысячи километров. Пепел извержений никак не мог затмить солнце у полярного круга.

Библиотекарша выложила на пюпитр последнюю стопку заказанных книг. В докладах Московского общества любителей астрономии я прочел интересное сообщение, объяснившее явление тьмы среди полярного дня, поразившее жителей ямальской тундры, дрейфом светонепроницаемого облака космической пыли. Доказательств не приводилось, была только ссылка на общеизвестный факт присутствия колоссального черного облака космической пыли в созвездии Ориона.

Звонок возвестил о закрытии библиотеки. Пришлось сдать книги и выйти на улицу.

Высоко в небе мерцали звезды, и золотой месяц плыл в звездном океане. Закинув голову, я долго смотрел в темную пропасть неба. Сколько манящих тайн скрывал еще космос в своих глубинах...

Утром я снова был в библиотеке. В рукописном фонде мне вручили прошнурованные фотокопии киевских летописей.

Листая тяжелые страницы, изукрашенные славянской вязью, я прочел вдруг поразившие меня строки: «...Того же лета бысть знамение в солнце, места черные по солнцу аки гвозди и мгла велика была, яко за едину

сажень перед собою невидите, солнце бо погиге, а небо погоре облака огнезарными...»

Красочным, почти былинным языком летописец повеествовал, что летом «зной палил землю... леса и травы огнем пожраши», а дым лесных и степных пожаров «багрянной тучей солнце заступаше...»

Дым пожаров!

Через пять минут автобус мчал меня в Институт леса.

В лаборатории охраны леса ученый лесовод неторопливо развернул карту. Его спокойное лицо оживилось.

— Вы, пожалуй, правы,— сказал он, рассматривая топографический лист.— Вот здесь на водоразделе между Обью и Енисеем... именно в это время... самолеты лесной охраны тушили страшный пожар в тайге.

Восходящими струями нагретого воздуха мельчайший пепел был поднят в заоблачную высь и унесен воздушным течением далеко на север. У полярного круга, в поясе холодной арктической атмосферы, копоть сгустилась в плотное облако, затмившее свет солнца.

Крошечные пылинки, плавающие в воздухе, свободно пропускают оранжевые и красные лучи, а зеленые и голубые поглощают. Вот почему во время «ямальского затмения» небо переливалось багровым сиянием, а семьсот лет назад, когда летописец наблюдал затмение солнца дымом лесных пожаров, небеса горели «огнезарными» облаками.

Пепел таежного пожара совершил длинное путешествие, перелетев из южной тайги на дальний север.

Удивляться этому не приходится. Копоть из фабричных труб переносится попутным ветром на сотни километров. В Центральной Европе ученые находят в воздухе пыльцу африканских и южноамериканских растений.

Мельчайший пепел, выброшенный в стратосферу грандиозным вулканическим взрывом на острове Кракатау, пять лет плавал вокруг земли, украшая зори Москвы, Петербурга и Парижа светящимися жемчужно-серебристыми облаками.

Тайна необыкновенного «ямальского затмения» была раскрыта. Космическая пыль оказалась здесь ни при чем.

Долго мы сидели над картой, рассуждая о величии природы. За окном бушевал ветер, раздувая снежную пыль по улице.

Часы пробили полдень. Пора было уходить.

— А помните недавнюю трагедию с японскими рыбаками, отравленными радиоактивным пеплом? Ваше «черное покрывало» грозное предупреждение... воздушные течения могут далеко переносить губительный пепел,— задумчиво сказал лесовод, сжимая на прощание мою руку.

ПОГОНЯ ЗА НЕВИДИМКОЙ

Что разглядывает человек, сгибаясь в три погибели, на моховой тундре у пустынной границы леса?

Вот он вытаскивает из полевой сумки лупу и, приняв к увеличительному стеклу, тщательно осматривает пень спиленного дерева. Человек что-то громко считает, быстро записывает в блокнот столбики цифр, поднимается и, подхватывая ручную пилу, шагает дальше, проваливаясь по колено в пухлый, влажный тюфяк мхов.

Выбирая ливеницу потолще, он оглядывает редкую растительность северной тайги на рубеже бесконечной равнины Большеземельской тундры. И опять его рука неумоимо пилит искривленное ветрами дерево.

Кто он и зачем пилит деревья вдалеке от людских поселений?

Лицо, шея и плечи странного лесоруба прикрыты черным тюлем накомарника, брезентовую куртку перетягивает туго набитый патронташ, а вылинявшие брюки заправлены в высокие болотные сапоги. Бинобль и фотоаппарат свидетельствуют о любознательности пильщика.

Еще одна листовница с жалобным стоном рушится, подминая сучьями зеленую подстилку мха.

Откинув накомарник, человек всматривается в смолистый свежий спил, поспешно достает камеру, раздвигает треножник и, не замечая обжигающих комариных укусов, фотографирует пень.

А где же ружье путешественника?

Оставлено на биваке в палатке. Вместо ружья — в руках хорошо выточенная пила.

Палатка белеет у двух листовниц на берегу круглого озера. Там стоит летняя легковая нарта и густо дымит дымокур. Вокруг дымового костра сбились ездовые олени. Рядом устроился проводник — старый ненец с красным обветренным лицом, одетый в суконную камлейку. Он палит дымокур и варит в котелке обед — утку, подстреленную на озере.

Иногда старик взбирается на передок нарти и беспокойно глядит из-под руки туда, где его спутник пилит деревья.

— Однако совсем ум потерял... — бормочет старик и, мягко спрыгивая с нарти, вновь устраивается у костра и долго дымит обгорелой трубочкой.

Кто же все-таки этот странный пильщик?

Не удивляйтесь — он бактериолог.

Николаевский — исследователь незримого мира тундры. Ему нужно заглянуть в прошлое и прочесть страницу-другую летописи природы.

Ширина годовичных колец древесины не одинакова. В прохладное влажное лето образуются широкие кольца, в сухое знойное — узкие. Двигаясь вдоль границы леса, Николаевский внимательно исследует срезы стволов. Перед ним, словно в чудесном зеркале, возникают картины прошлого Большеземельской тундры. На срезах старых деревьев широкие годовичные кольца внезапно сменяются узкими, затем появляются снова.

Николаевский пересчитал эти кольца и начертил волнистую кривую чередования знойных и прохладных лет в Большеземельской тундре. За длительный период такие

данные нельзя было получить на метеорологических станциях, которые в тундре основаны совсем недавно.

Не из простого любопытства понадобилось ему заглянуть в прошлое Большеземельской тундры.

Повальная болезнь косила северных оленей в Заполярье. Эпидемия вспыхивала внезапно в самое жаркое время года. Заболевшие животные хромали; у копыта быстро росла опухоль, превращая поврежденную конечность в грушевидную тумбу. Истощенные олени погибали с признаками острого заражения крови. Жители тундры окрестили губительную хворь «копыткой».

Экспедиции бактериологов бороздили тундры советского и американского Севера в поисках невидимых микробов. Биологи обследовали почву, растительность, воду тундровых болот, озер и рек, воздух, а также жалящих насекомых: слепней, комаров, клещей. Но возбудителей эпидемии не обнаружили.

Как же передаются смертоносные микробы копытки, отчего заболевают олени в тундре?

Возглавив один из бактериологических отрядов, Николаевский решил ответить на эти вопросы. Надолго покинув семью, институт, кафедру, он устремился на север в погоню за невидимками.

Вычертив волнистую кривую чередования сухих и прохладных лет, Николаевский отправился в Нарьян-Мар и углубился в местные не очень богатые архивы.

Разбирая пожелтевшие бумаги, он нашел новые, интересующие его данные, и на миллиметровой бумаге появилась новая волнистая линия, отразившая вспышки эпидемии копытки в Большеземельской тундре за последнее время. Николаевский, пользуясь справочниками, вычертил также линию изменения активности солнца.

Изгибаясь, эти три линии почти повторяли одна другую. Сильнейшие вспышки губительной эпидемии приходились на годы с жарким комариным летом. А такие годы в тундре почти всегда наступали в период наивысшей активности солнца.

Чутье исследователя не обмануло бактериолога — найден был первый след, оставленный невидимкой.

Жаркое комариное лето... Где же искать микробов и почему они не причиняют вреда в прохладное лето?

Захватив походную микробиологическую лабораторию, Николаевский отправился на «поле битвы», в оле-

нии стада, растянувшиеся длинной вереницей на летних пастбищах вдоль побережья Большеземельской тундры.

Гостеприимно встречали в оленеводческих бригадах «человека, срубающего дерева». Николаевский был не только бактериологом, но и опытным ветеринарным врачом, отлично лечил заболевших оленей, делил горести и радости кочевой жизни с оленеводами и вскоре стал уважаемым человеком в тундре.

Лето было душное, знойное и комариное. Копытка свирепствовала во многих стадах. Объезжая их, Николаевский обратил внимание на странное обстоятельство: эпидемия вспыхивала часто не там, где ее ждали ветеринарные врачи.

Местные ветеринары, вспоминая недавний подвиг бактериологов, освободивших тундру от другой повальной болезни северных оленей — сибирской язвы, шли по неправильному пути.

Споры сибирской язвы, не видимые простым глазом, были обнаружены в почве, растительности и в болотах тундровых пастбищ. Десятилетиями сохранялись здесь эти опасные микроскопические организмы, и зараженные пастбища на долгие годы выходили из строя — становились запретными.

Вот почему ветеринарные врачи так настойчиво искали возбудителей копытки в почве и в растительности тундры, а места вспышек этой эпидемии обозначали на картах красной штриховкой карантинных земель.

Олени болели почти каждый год, и к приезду Николаевского карту Большеземельской тундры изукрашила мозаика красной штриховки. Стесненные стада иногда паслись летом на заведомо зараженных — карантинных — пастбищах.

Путешествуя по летней тундре, Николаевский подметил, что олени, пасшиеся на «зараженных» землях, часто не заболевали, а на пастбищах, где никогда не было копытки, гибли массами от страшной эпидемии.

Бактериолог решил поискать микробов не там, где их безуспешно искали многие, а в самом олене.

Первые тончайшие срезы кишечника оленя принесли поразительные результаты. Под линзой микроскопа переливались голубоватой протоплазмой смертоносные возбудители некробациллеза — копытки, палочки некроза, вызывающие необратимое омертвление тканей.

Неужели удача?

Первых микробов бактериолог обнаружил в кишечнике больного оленя. Но почему нежные ткани, в которых поселились микробы, не испытывали болезненного угнетения, а нога больного раздулась, ткани омертвели, и никакие лекарства не могли спасти жизнь обреченному оленю?

Невидимка была найдена, но бесчисленные «почему» возникали на пути охотника за микробами. Долгие годы Николаевский распутывал хитроумный след и, наконец, вырвал еще одну тайну у природы.

* *
*

За плечами остались годы странствований по тундре, полные исканий, лишений, борьбы с природой сурового севера.

На конференции в северном, далеком городе Николаевский сделал доклад о своих многолетних исследованиях. Вздволнованные слушатели столпились вокруг бактериолога. Среди них — специалисты дальних оленеводческих совхозов полярной Якутии. Каждый понимал важность сделанных открытий, ведь эпидемия срывала планы, мешала росту этих совхозов.

— Вот доказательства, — тихо говорит бактериолог, раскладывая серию микрофотографий.

Мы с зоотехником Костей рассматриваем кадры, и перед нами раскрывается «биография» невидимого врага.

Оказывается, возбудитель копытки — микроскопическая палочка некроза — живет в кишечнике почти у всех здоровых оленей, не причиняя вреда до тех пор, пока организм животного крепок и состав крови неблагоприятен для развития микробов.

Но вот наступает знойное время года: в тундре появляются тучи комаров. Комары мешают пастись оленям, а люди, не зная еще секрета копытки, избегая карантинных земель, подолгу задерживают оленей на клочках незараженных пастбищ. Тысячные табуны быстро уничтожают здесь питательную кормовую растительность, и животным в дальнейшем приходится довольствоваться малосъедобной осокой.

Олени, изнуренные жарой, комарами и плохим питанием, худеют, защитные свойства крови ослабевают, и палочки некроза размножаются в кишечнике с непостижимой быстротой. Но они еще не причиняют вреда. Лишь очутившись на пастбище, микробы превращаются в опасного врага.

— Смотрите... «второе сердце» оленя,— Николаевский положил на стол увеличенную фотографию.

На белом поле причудливо ветвился клубок мельчайших кровеносных сосудов. Клетки микробов с зернистой протоплазмой словно запутались в паутине.

— Что это?

— «Второе сердце» — узел сосудов, питающих копыто северного оленя. Видите, как сложно ветвятся капилляры у рогового чехла. Здесь ворота инфекции...

Фотография идет по кругу, и мы с Костей долго рассматриваем сплетение сосудов.

Около венчика копыта у ослабевших оленей прекращается ороговение поверхностных клеток, и устья волосных луковиц раскрываются. Подолгу задерживаясь на тесных пастбищах, олени разминают копытами зараженный кал. Палочки некроза проникают через раскрывшиеся устья на дно «луковиц», укореняются в кровеносных сосудах «второго сердца» и, получая обильное питание, отравляют ткани.

— Но почему биологи так долго не замечали микробов на пастбищах, где паслись олени? — спрашивает Костя.

— Почти все охотились за «бессмертной» невидимкой, приписывая возбудителю копытки свойства сибироязвенных микробов,— отвечает Николаевский.— На самом деле палочки некроза жили на земле не дольше мотыльков — пять, шесть дней. Неуловимую «палочку» биологи искали обычно на пастбищах, где копытка губила оленей в прошедшее лето и где микробы давно исчезли, или пристально исследовали растительность и почву тундры, не обращая внимания на свежий кал оленя...

Проверяя опытом свои выводы, Николаевский внес активные палочки некроза в ранки и царапины крепким, упитанным оленям.

Это был несколько рискованный опыт. И он прошел блестяще. Ни один олень не заболел копыткой.

И тогда Николаевский предложил стереть с карт тундры штриховку ложных карантинных земель и установить систему противоэпидемических маршрутов с постоянным движением оленьих стад на свежие пастбища с хорошей кормовой растительностью.

В опасное знойное время олени получают необходимое питание и будут в силах бороться с губительными папочками некроза.

Предложение Николаевского вызвало немало нареканий. Люди, цеплявшиеся за обветшалые догмы, утверждали, что использование карантинных пастбищ повлечет чудовищную вспышку эпидемии.

«Безумный эксперимент,— писал один профессор,— причинит миллионный ущерб оленеводству Севера...»

Николаевский собрал необходимые доказательства и, выступив на конференции, предложил испытать свои маршруты в самом опасном очаге эпидемии — в тундрах полярной Якутии.

Мы с Костей недавно получили назначение в Колымский оленеводческий совхоз и собирались лететь в устье Колымы. Копытка уничтожила там половину оленей, совхоз был в тяжелом прорыве, директора сняли, а зоотехника и ветеринарного врача отзывали в Якутск.

Нам предстояло или покончить с копыткой, или разделить участь своих предшественников.

Доклад Николаевского открыл нам глаза, вселил утешительные надежды.

С первым рейсовым самолетом мы совершили прыжок в несколько тысяч километров и очутились далеко за полярным кругом, в устье Колымы.

Нас встретил бывший директор оленеводческого совхоза, краснолицый тучный, уже немолодой человек в пыжиковой шапке, оленьей дохе и белых фетровых бурках.

Он радостно приветствовал смену. Ему, как видно, хотелось поскорее избавиться от хозяйства, разгромленного эпидемией. Улыбаясь, он крепко жал руки и быстро говорил:

— Наконец-то, приехали. Не завидую вам, хлопцы, эх, не завидую, и хватил же я лиха с этим совхозом. Все табуны растрепала копытка...

После дальнего перелета я с наслаждением шагал по скрипучему плотному снегу, вдыхая чистый, пьяня-

щий воздух Севера. Крепкий морозец туго стягивал щеки. Вдоль обрыва тонули в снегу бревенчатые домики усадьбы совхоза. Дым из труб прямо подымался к бирюзовому небу почти неподвижными ватными столбиками.

Коричневые лиственницы, сгибаясь под тяжестью снега, уходили наверх к перевалу. Вдали тускло отсвечивала безлесая вершина дикой сопки.

— Упекла пастухов копытка, руки опустили; специалисты на чемоданах сидят — на материк удирать собираются, — тараторил толстяк, не скрывая правды.

Принимая хозяйство, я убедился, что в наследство мы получаем «разбитое корыто». В кабинете ветеринарного врача висела пастбищная карта совхоза, испещренная штриховкой карантинных земель. Чистыми остались лишь клочки летних пастбищ.

Указывая на карту, ветеринарный врач говорил глухим, тоскливым голосом:

— Карантинные земли душат, некуда гнать табуны, опять угробит копытка...

Пальцы его дрожали, и я понял, как измотан этот человек. В далеком Якутске Николаевский словно глядел в воду: и здесь люди, не зная тайны копытки, сами навлекли губительную эпидемию.

Вскоре мы отправились в объезд оленьих стад. Костя хорошо говорил по-якутски, знал немного чукотский язык, и мы легко объяснялись с пастухами.

В просторной яранге старейшего бригадира Кемлилина, где сошлись все пастухи, я впервые сообщил им о необыкновенном открытии Николаевского.

Костя сумел очень просто и увлекательно рассказать слушателям о стеклянном увеличивающем глазе-микроскопе, о путешествии невидимых палочек микроба в тканях оленя, о защитных маршрутах.

На раскладной походный столик я водрузил микроскоп и вставил стекла с тончайшими срезами пораженной ткани. Серию препаратов нам подарил в Якутске Николаевский.

Пастухи, мягко ступая, подходили к столику, осторожно трогали своими мозолистыми руками блестящие позолоченные клеммы и, смешно шурясь, приникали к окуляру. В ярком поле микроскопа мерцали крошечные

клетки микробов с голубоватой протоплазмой, увеличенные в две тысячи раз.

Удивленные восклицания сыпались на всех языках тундры. Сквозь линзы микроскопа люди своими глазами заглянули в невидимый мир.

Прирожденные оленеводы быстро оценили простые, ясные советы Николаевского. Ложные карантинные пастбища мертвой петлей душили табун. Спасительный маршрут наметился тут же у микроскопа. Пастухи припомнили каждый приметный холм, каждое подходящее урочище, каждый клочок пастбища с питательной растительностью.

В две недели мы объехали все стада оленеводческого совхоза и заключили крепкий союз с пастухами.

Вернувшись на усадьбу, Костя разрисовал цветной тушью на пастбищной карте новые маршруты стад в Западной и Восточной тундре. По линии каждого маршрута мы отметили места и сроки стоянок. Получился настоящий график движения оленьих стад.

Сеть наших маршрутов повсюду пересекала штриховку карантинных земель, словно зачеркивая ее.

Известие о необыкновенных маршрутах облетело тундру. Старожилы, вспоминая тяжелые удары копытки, с нетерпением ждали лета.

...Костя ходил сумрачный и молчаливый. Неспокойно было и у меня на душе. Наши подписи стояли на бланках новых маршрутов. Мы принимали на себя всю тяжесть ответственности.

Весна наступила дружная и теплая, предвещающая жаркое комариное лето. Все чаще звонили из райкома — спрашивались, вернулся ли из стад инструктор. Он выехал в тундру, не посчитавшись с распутицей, и объезжал пастушеские бригады совхоза.

По-разному встречали меня в районном центре, когда приходилось заезжать сюда по делам совхоза. Одни — настороженно и сухо, другие — соболезнующе, словно заранее жалея в неминуемой беде.

Вскоре появились комары, и специалисты совхоза спешно выехали в стада «на летнюю эпидемию», как привыкли тут говорить.

Первые хорошие известия о движении стад привезли «кольцевики» — ловкие и выносливые ездоки на верховых оленях.

Флажками я обозначил на карте табуны. Маленькие знамена на булавках растянулись у южной границы летних пастбищ, словно отмечая извилистую линию фронта. Табуны вступили на карантинные земли.

Прошла неделя. Началось знойное комариное лето. В прошлом году в эти дни уже свирепствовала копытка. Я ходил как помешанный, ожидая тревожных вестей.

Проклятый телефон трещал не умолкая. Звонили из райкома, райисполкома, ветеринарной лечебницы и даже из школы и детского интерната. Спрашивали одно и то же: началась ли копытка?

Наконец, появился кольцевик из Западной тундры с письмом от Кости. Он писал, что «первое стадо идет точно по расписанию, благополучно пересекает карантинные земли, копытки нет, пастухи работают как черти, выискивая лучшие пастбища, и хотят взять переходящее знамя совхоза...»

Прибыли кольцевики других стад, и там копытки тоже не было, она словно провалилась сквозь землю и бушевала у соседей, где оленей по-прежнему пасли на клочках незараженных пастбищ.

Теперь флажки рассыпались по всей карте совхоза, и я представлял себя полководцем, выигрывающим генеральное сражение.

И вдруг... точно гром грянул с ясного неба.

На усадьбу прискакал Пинэтаун — комсорг восточной группы стад.

Десять часов юноша находился в седле, загнал двух верховых оленей, пробираясь по каменистым сопкам. Он привез тревожное известие: «В стадах Восточной тундры оленей глушит копытка».

Спрятав карту с флажками, я сел с Пинэтауном на попутный пароходик, тянувший груженные баржи из Зырянки в порт Амбарчик.

Стада Восточной тундры паслись летом на берегу Полярного океана. Комаров у моря почти не было, пастухи точно выполнили летний маршрут, и никто не ждал там эпидемии.

Что произошло в прибрежной тундре?

Я не находил себе места на палубе: буксирный пароход тащил баржи медленно, как погребальную процессию.

На рассвете караван обогнул скалистый Чаячий мыс. Холодный туман закрывал берег. Смутно просвечивали порталные краны, пакгаузы, пирамиды каменного угля. Пароход оставил баржи на рейде и пришвартовался к пирсу.

Вскинув рюкзаки, мы сбежали на берег, быстро прошли портовый поселок и очутились в пустынной холмистой тундре. Табун нашли в глубокой долине, рассекавшей плато у Медвежьего мыса.

Меня поразила необычная форма болезни. Нагрянувшая эпидемия косила лишь молодых оленей. Опухоль появлялась не у копыт, как обычно, а на суставах передних ног. Олень не мог двигаться и уходил под нож.

Скальпелем я вскрыл опухоль больного оленя и приготовил тончайший срез пораженной ткани. В поле микроскопа мерцали знакомые голубоватые клетки.

Как проникли палочки микробов в сустав, минуя «второе сердце» — узел кровеносных сосудов у копыта?

Пастухи окружили столик с микроскопом. Рассматривая микробов, бригадир спросил:

— Как будешь спасать табун, а?

Я молчал, не зная что ответить. Оленей губила никому не известная форма копытки.

Ночью в палатке меня разбудил пронизывающий холод. Набросив ватник, я вышел наружу. Августовская ночь была светлой, и в синем небе едва мерцали самые крупные звезды. Яранги стойбища тонули в сизом тумане. Вероятно, холодный воздух скапливался на дне горной долины, как в ванне...

Простая догадка осенила меня. Я бросился в палатку, развязал рюкзак, вытащил футляры с термометрами и стал тормозить Пинэтауна.

Юноша испуганно высунулся из спального мешка, не понимая, что случилось.

— Скорее одевайся, температуру мерить пойдем...

— Куда?

— На сопку...

— На сопку?! — удивился Пинэтаун.

Николаевский заразил меня исследовательской горячкой. Выезжая в стада, я возил с собой метеорологические термометры, барометр и ветромер, вел наблюде-

ния за погодой, собирал гербарий и даже писал дневник, не обращая внимания на Костины шуточки.

Теперь термометрыгодились.

Через полчаса дежурный пастух, дремавший у табуна на берегу тундровой речки, внезапно проснулся. Он остолебенел, увидев нечто необычайное.

Мимо уснувшего табуна к дальнему склону плато устремился Пинэтаун с блестящей трубкой в руке. Навстречу с вершины спускался по каменистой осыпи новый директор совхоза.

И вдруг оба остановились и стали крутить перед собой веревки со сверкающими трубками, словно собираясь метнуть старинные чукотские дротики.

В полдень мы повторили эксперимент. Я поднялся на плато и принялся крутить пращ-термометр, привязанный на шнурке.

На дне долины у стойбища Пинэтаун крутил второй, запасной термометр. Вокруг Пинэтауна на корточках расположились пастухи ночной смены, с любопытством ожидая дальнейших событий.

Результаты опыта поразили меня. Ночью на дне долины, где скапливался холодный воздух, термометр показал минус один градус, у основания сопки, едва приподнятой над долиной, было теплее — плюс пять градусов, а на плато, откуда весь холодный воздух стекал в долину, было совсем тепло — плюс двенадцать.

В полдень на дне долины воздух нагрелся до тридцати градусов, на плато, где гулял ветерок, температура почти не изменилась и ртуть не поднималась выше восемнадцати градусов.

Термометры рассказали о том, что произошло в прибрежной тундре. Ночью пастухи держали табуны у стойбища в «холодном погребе» — на дне долины. Днем стада также паслись на дне долины, и животные перегревались на солнце. Более слабые молодые олени испытывали скачки температуры в тридцать градусов, заболели ревматизмом. Палочки некроза попадали с кровью в ткани воспаленных суставов, укоренялись тут и отравляли клетки.

Получив срочное предписание, Пинэтаун на лучшем верховом олене ускакал в соседний табун. В этот же день оба табуна покинули опасную зону холодных приморских туманов и ушли в глубь тундры. Ночью и в жар-

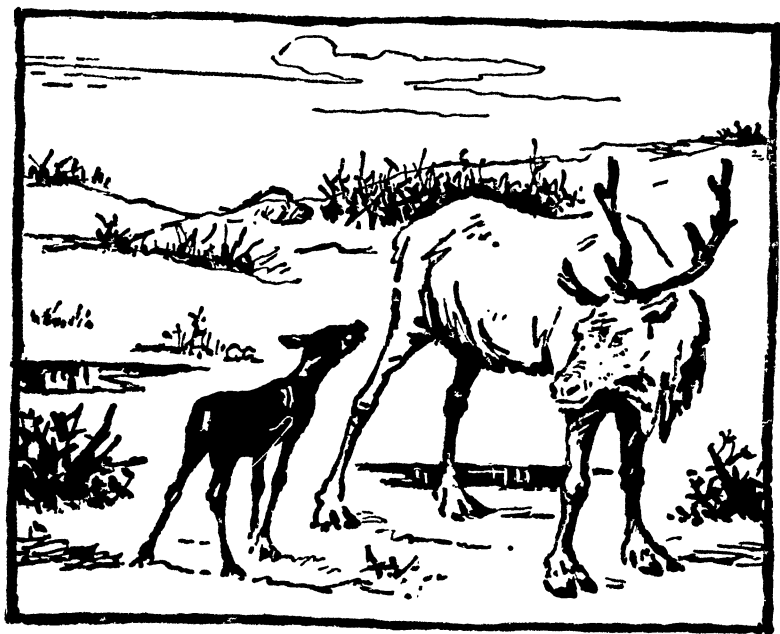
кое время дня пастухи стали держать оленей на плато, где суточная температура была постоянной.

Эпидемия сразу же прекратилась.

Стоит ли говорить, что в это лето мы навсегда избавились от копытки. Впервые совхоз выполнил план. После осеннего пересчета оленей к нам пожаловали гости из оленеводческих колхозов перенять опыт.

Вместе с ними мы написали длинное благодарственное письмо Николаевскому...

ТРУБКА И КИСЕТ

— Вздор и челуха!

— Но Снежинка опять принесла олененка позднее всех важенок...

— Случайность, случайная наследственность,— не унимался Костя.

Перед нами на пестром ковре ягельников среди тощих кустов багульника свернулся крошечный олененок. Мать — белая, как снег, важенька,— обласкав малютку шершавым языком, отпрянула в сторону и, тревожно раздувая ноздри, смотрела на людей темными влажными глазами.

Олененок появился на свет четверть часа назад и сейчас упирался крошечными копытцами в пу-

шистый мох, пытаюсь встать на длинные дрожавшие ножки.

Кругом простиралась голая, обдугая ветрами Западная тундра. Весна растопила снежный панцирь, утрамбованный зимними пургами. Проталины соединились на плоской равнине в причудливый узор, окружая ноздреватые, посеревшие снежники.

Синеватые весенние облака лениво плыли в вышине, отражаясь в спокойных озерах талой воды.

В прошлом году Снежинка также уложила новорожденного олененка на теплый ковер проталины.

Это было удивительно. У нас, в низовьях Колымы, чукотские важеньки приносили детенышей необычайно рано — в апреле и начале мая, на целый месяц раньше, чем в тундрах Европейского Севера. И как назло во время отела в колымских тундрах свирепствуют предвесенние пурги и снег покрывает землю. Тысячи слабых новорожденных оленят замерзают на холодном снежном покрове.

Как ухитрялась Снежинка обманывать природу и рождать детенышей позднее всех важенок табуна, избавляя потомство от губительных пург?

Я искал объяснения в окружающей среде; ведь она управляет жизнью организмов. Белая важенька, вероятно, использует никому не известные ее особенности. Смутное предчувствие открытия волновало меня.

— Чепуха, — повторил Костя, выколачивая погасшую трубку, среда здесь ни при чем. Хитрит только белая важенька. Собака зарыта в наследственности, в случайной наследственности организма.

Костя был убежденным генетиком. Это не мешало нашей дружбе, но мы постоянно спорили и не соглашались друг с другом.

— Ставлю трубку против кисета, — воскликнул Костя, — без чужой крови дело не обошлось!.. Снежинка хоть и белее снега, но предки ее убегали из стада и повязались с «дикарями».

— Ну и что же?

— Снежинка — гибрид, и гон у нее начинается позднее, позднее она и телится.

Неожиданное объяснение казалось правдоподобным. Новорожденный олененок был черен, как головешка, и совершенно не походил на мать. В низовьях Колымы

дикие северные олени начинают гон и рожают детенышей на две недели позже, чем одомашненные их собратья.

Может быть, действительно «кровь» дикого оленя помогла Снежинке?

На Севере я привык размышлять вслух, и Костя тотчас воспользовался этим. Он вытащил свою точеную костяную трубку, преспокойно вытряхнул из моего кисета чудовищную порцию махорки и неторопливо закурил.

— Ловко придумано...— процедил я, отбирая кисет,— по-твоему сроки гона predetermined наследственностью разных пород оленей?

— Выходит так...— ответил приятель, невозмутимо выпуская кольца дыма.

— И, скрещивая разные породы, ты сможешь управлять отелом северных оленей?

— Конечно... привезу лапландских хоров с Кольского полуострова, повяжу с чукотскими важенками и сдвину отел на позднюю весну, когда пург не будет. Гены есть гены, из клеток их не выкинешь...

Костя попался в расставленную ловушку. Он еще не знал, что у меня в полевой сумке припасена любопытная таблица. Я составил ее, объезжая стада оленеводческого совхоза, разбросанные на просторах Колымо-Индигирской тундры.

Костя спрятал трубку, и мы отправились в палатку посмотреть мою таблицу*, похожую на ребус.

Таблица указывала процент важенок, рождавших оленят по пятидневкам в четырех табунах совхоза. Внизу я нарисовал рельеф тундры, где паслись стада.

Олени в табунах были одной породы, но сроки размножения оказались разными: в горных тундрах массовое рождение оленят начиналось на пятидневку раньше, чем в равнинных. Влияние среды казалось очевидным.

— Ну, где тут твои гены?

Нахмурившись, Костя разглядывал таблицу.

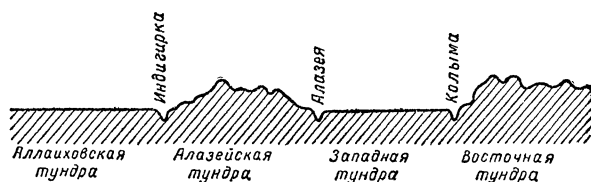
— Ты говоришь — лапландские важенки приносят оленят на целый месяц позднее чукотских? — спросил он.

— Да...

* См. таблицу на стр. 33.

Таблица

5—10 апреля	0,2	—	—	0,4
11—15	1,3	3,0	0,5	3,9
16—20	7,0	17,6	7,8	21,0
21—25	35,4	44,0	28,5	37,0
26—30	24,2	25,7	35,3	31,0
1—5 мая	12,2	5,9	13,6	5,0
6—10	12,4	3,1	5,0	1,2
11—15	7,3	0,7	5,1	0,5
16—20			2,2	
21—25			2,0	

— Вот и разгадка твоему ребусу: лапландские и чукотские олени разделены громадными пространствами: тысячелетиями приспосабливались они к разным географическим условиям, и гены закрепили в наследственности заметную разницу в сроках размножения...

— А наши олени?

— Приспособились издавна к местным условиям географической среды и постепенно унаследовали пустяковую разницу в сроках гона.— Костя вытащил трубку и опять закурил.

Я не согласился с приятелем и решил искать доказательств прямого действия внешней среды.

На усадьбу оленеводческого совхоза мы вернулись последним санным путем. Лед на Колыме таял и рассыпался на звенящие столбики. Образовались широкие забереги; собаки, натягивая постромки, тянули нарты по воде, и мы едва проскочили на правый берег.

Начался грозный колымский ледоход.

В месяц весенней распутицы пришлось писать отчеты. Цветными карандашами мы с Костей нарисовали кривые отела, но объясняли их по-разному.

Однажды дверь в мою лабораторию с шумом распахнулась, и появился необычайно взволнованный Костя. Он протягивал объемистый том в голубом переплете.

— Раскрывай на сто одиннадцатой; почта прилетела...

Это был сборник трудов института, полученный с первым почтовым самолетом.

Я нашел 111-ю страницу и прочел заголовок, отпечатанный жирным шрифтом: «Сроки размножения северных оленей Евразии».

Автор статьи — профессор ветеринарного института — собрал интереснейший материал в оленеводческих хозяйствах Кольского полуострова, Ямала и Чукотки.

Сроки гона оленей он сравнил с климатом этих районов и убедился, что гон у северных оленей начинался с наступлением первых отрицательных температур осени. На Чукотке осенние заморозки наступали раньше на месяц, чем в тундрах Европейского Севера и Ямальского полуострова, поэтому у чукотских оленей раньше начинался гон и, следовательно, отел.

Я схватил телефонную трубку и позвонил в районный центр к синоптику аэропорта. Мой вопрос не удивил знакомого метеоролога.

— Опять гениальная идея? Подожди у телефона — принесу таблицы...

Синоптик сообщил показания термометров дальних наблюдательных пунктов. В равнинах Западной и Алзейской тундр холода наступали позднее, заморозки западывали ровно на пять дней по сравнению с горной Восточной тундрой. Понятно, что гон и отел оленей в равнинных тундрах начинался позднее на пятидневку.

Внешняя среда победила. Костя опустил на лавку и вытащил трубку. Но я не замечал растерянности на его лице, в хитрых глазах зоотехника светились искорки.

— Конец статьи, почти конец! — взмахнул он зажатой в кулаке трубкой.

Перевернув страницу, я прочел заключение профессора: «способность реагировать определенным образом на осеннее похолодание представляет прирожденное, наследственное свойство, типичное для той или иной географической расы северных оленей Евразии».

Молча я уставился на приятеля. Ухмыляясь, он протягивал руку за моим кisetом.

...Без сожаления прощались мы с комариным летом. Полтора месяца гудело в тундре облако назойливых насекомых. Спасая оленей от копытки, мы вывели табуны на берега Ледовитого океана, обвеваемые прохладными ветрами.

Теперь стада, покидая полосу приморских туманов, возвращались в глубь тундры на осенние пастбища и готовились к гону.

Костя уехал в Западную тундру отбивать хоров. Он собирался перевезти их на правый берег Колымы и скрестить с важенками Восточной тундры. В следующем году он хотел раздобыть самцов с Кольского полуострова. Опираясь на статью в «Трудах» института, мой приятель думал сдвинуть отел чукотских важенок на более позднее время, скрещивая географически отдаленные породы.

Я считал ошибочным заключение профессора и не верил в Костину затею, но доказать этого не мог. Неожиданная телеграмма из Магадана помогла делу.

В Заполярье мы постоянно ощущали могучее дыхание большого таежного строительства, расположенного далеко на юге в верховьях Индигирки и Колымы.

И вот я держал в руках телеграфное распоряжение из столицы «Золотого края», короткое, как боевой приказ. Нам предлагали, не мешкая, перегнать из Колымской тундры две тысячи важенок в глубь тайги, поближе к золотым приискам.

Вряд ли представляли в Магадане трудности этого перехода!

Попробуйте забраться в девственную тайгу с двухтысячным табуном полудиких тундровых оленей в грибное время, в период темных осенних ночей. Олени разбегутся в поисках грибов, и табун растает в гуще леса, как сахар в стакане воды.

И все-таки дальний поход в глубь тайги манил меня. Сама жизнь давала в руки решающего

эксперимента. Как поведут себя чукотские важенки далеко в тайге, где заморозки начинались на две недели позже, чем в здешней тундре?

Многое пришлось испытать в этом памятном походе. Мы рубили просеки, открывая дорогу табуну в первобытной чаще, где не ступала нога человека, воздвигали из лиственниц изгороди, удерживая оленей в темные ночи, переправлялись через коварные порожистые реки, пробивались с полудикими тундровыми животными сквозь дым и огонь бушевавших в тот год таежных пожаров, проклиная тайгу, беспокойную кочевую жизнь и день, когда решились пуститься в таежные дебри.

Совершив тысячекилометровый переход, мы вывели олений табун к золотым приискам и расположились на отел в самом сердце колымской тайги.

Терпеливо я ждал результатов эксперимента. Надежды мои оправдались.

Наши чукотские важенки, совершив дальний переход на юг, очутились в местности, где осенние холода запаздывали на две недели. Гон и массовый отел они начали в тайге на пятнадцать дней позже, чем у себя на родине, в Восточной тундре.

В Магадане счастливый случай свел меня с начальником перегона другой партии чукотских оленей. Табун с Чукотки прошел полторы тысячи километров в глубь тайги, и гон олени провели на высокогорьях хребта Черского.

Начальник перегона передал мне журнал отела, и я составил продолжение своей таблицы *.

На высокогорьях хребта Черского осенние холода наступали раньше на пятидневку, чем в соседней горной тайге, где начали гон наши важенки; раньше разгорелся там гон и отел у пришельцев с дальней Чукотки.

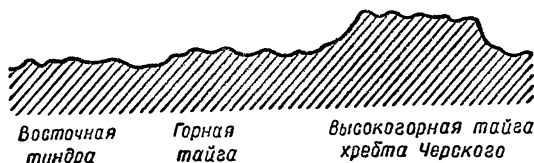
Теперь я имел неопровержимые доказательства. Мои таблицы, как в зеркале, отразили прямое воздействие среды на сроки размножения северных оленей. Погоня за мифическим «наследственным свойством расы» не могла привести Костю к победе.

Я передал Управлению приисков олений табун, увеличившийся почти вдвое, и вылетел на самолете в устье

* См. таблицу на стр. 37.

Таблица

5—10 апреля	0,4	—	—
10—15	3,9	—	0,2
16—20	21,0	0,6	1,6
21—25	37,0	0,5	4,4
26—30	31,0	6,5	14,0
1—5 мая	5,0	13,2	27,0
6—10	1,2	16,2	30,5
11—15	0,5	18,2	15,1
16—20	—	14,0	6,1
21—25	—	10,0	0,8
26—30	—	12,0	0,3
1—5 июня	—	5,1	—
6—10	—	1,5	—
11—15	—	1,5	—
16—20	—	0,5	—
20—25	—	0,2	—

Колымы. С Костей мы встретились на усадьбе совхоза. Он был мрачен.

Хоры из Западной тундры, конечно, «подвели» и начали гон в такие же ранние сроки, что и самцы в стадах Восточной тундры. Сдвинуть отел важенок не удалось. Моя таблица доконала Костю. Два дня он не разговаривал со мной и, уединившись, часами курил любимую трубку, задумчиво разглядывая таблицы.

На третий день Костя тихо сказал:

— И все-таки она вертится...

Я испугался: уж не рехнулся ли приятель?

— Ты выиграл и проиграл,— продолжал Костя...

— Постой, постой, а таблицы?

— Выиграл потому, что среда действительно управляет сроками размножения северных оленей, и проиграл, ибо гены помогут человеку управлять отелом...

— Хочешь опять скрещивать?

— Скрещивать... но скрещивать избранных. Помнишь диких оленей? Они пасутся в той же среде, что и наши олени, а рожают детенышей на две недели позже, укладывая оленят на проталины.

— Да, это так, но почему?

— Дикие олени ведут свирепую борьбу за существование, ранние оленята «дикарей», рождаясь на снег и попадая в колымские пурги, погибают. У диких оленей выживает потомство самок, вступающих в гон позднее — лишь при значительном понижении осенних температур.

— Ого!

Теперь я понял Костю. Сохраняя из года в год жизнь ранних оленят, мы своими руками прибавляем в наших стадах оленей, рано вступающих в гон.

— Твои таблицы указывают правильный путь борьбы. Смотри: в тундре и в тайге десять процентов важенок рожают оленят в поздние сроки. Нужно искать среди них самок, каждый год вступающих в гон позднее своих товаров.

Я вспомнил белую важенку. Это была как раз такая самка. И заметили мы ее повадки потому, что важенка оказалась приметной — белее снега — и выделялась в двухтысячном табуне.

— Нужно отбирать таких самок и позже скрещивать с хорами, — сказал Костя, словно читая мои мысли.

Белая важенка открыла перед нами новые горизонты. Весенние бураны губят оленят; рождаясь на снег, крошечные телята простывают, заболевают осенью ревматизмом и гибнут от копытки. Если суметь отодвинуть отел чукотских важенок только на две недели, можно сохранить миллионы в народной кассе.

На Черной речке мы с Костей переметили номерами всех важенок и хоров в стадах Восточной тундры. Осенью передвинем табуны поближе к границе леса, где позже наступают заморозки, после гона соединим избранных важенок в племенное стадо и будем разводить оленей с поздними сроками размножения.

Эта длинная история укрепила нашу дружбу, мы перестали расставлять друг другу ловушки и стали меньше спорить — ведь действие внешней среды так сложно переплетается с наследственностью организмов.

Я послал в Москву профессору Мантейфелю описание наших опытов с чукотскими важенками.

Ответ пришел быстро, авиапочтой. Профессор писал, что наш опыт проливает свет в область неизученную, где можно сделать важные открытия для науки и практики. В Московском зоопарке, писал он, долго не приносили потомства слоны. Не помогли гормоны, витаминозные экстракты и моционы.

В трудные, военные годы слоновник некоторое время не отапливали. Холод оказал неожиданное действие на гостей с дальнего юга. В бездетной семье появился на свет слоненок...

Недавно в юбилейном сборнике ветеринарного института Костя откопал письмо Чарлза Дарвина, написанное в 1876 году, семнадцать лет спустя после выхода в свет «Происхождения видов путем естественного отбора».

Отрывок из этого письма Костя громогласно прочел в нашей лаборатории: «по моему мнению, величайшая ошибка, которую я допустил, заключается в том, что я не придавал достаточного значения прямому действию внешней среды»...

...Пришлось подарить приятелю свой голубой кисет, шитый бисером, а трубка, точеная из кости, теперь у меня, вот она, посмотрите!..

РОЗОВАЯ КУРОПАТКА

Моя хижина приютилась у подножия Белой сопки, в роще вековых тополей, на берегу замерзшего Омолона. Это был один из немногих, почти неисследованных уголков нашей страны на крайнем северо-востоке Сибири. Но и здесь начиналось освоение природных богатств.

Осенью с последней водой пароход забрался вверх по реке на пятьсот километров в сердце девственной Омолонской тайги. Расчистив площадку среди тополей и цепких зарослей дикого шиповника, мы выгрузили двухлетний запас продовольствия и строительные материалы для базы нового оленеводческого совхоза. Матросы наскоро построили нехитрую хибару, и я распрощался с командой на всю зиму.

Северная зима выдалась суровая, санный путь был заметен снегом, и пойти навстречу оленьим стадам не пришлось. Они пробивались сквозь тайгу с верховьев Анюя.

Свободное время хотелось провести с толком. Зоологические коллекции мои быстро пополнялись. Редчайшая серебристо-белая шкурка выдры-альбиноса, пятнистая рысь и полная цветовая серия пушистых беличьих шкурок украсили бревенчатые стены хижины. И это было только началом...

В навсегда запомнившееся утро проснулся я раньше обычного, вылез из спального мешка, разжег железную печурку, поставил чайник и стал неторопливо собирать-ся в очередной обход заячьих петель и капканов.

Переступив порог своей хижины, я невольно остановился, дивясь красоте снежного мира. Бесчисленные острова и протоки Омолона сливались на горизонте с фиолетовым небом. Недвижно склонились тополя. Окутанные пушистой изморозью, деревья искрились в лучах восходящего солнца. Синеватым облаком курились незамерзающие излучины реки. Кругом теснились розовые, словно высеченные из алого мрамора сопки.

Мне пришло на ум объяснить эту необычную окраску сопок повышенной влажностью воздуха Омолонской котловины...

Шорох крыльев разбудил морозный воздух. Неподалеку опустилась стайка полярных куропаток. Выстрел почти не нарушил покоя замерзшей тайги. Лишь потревоженные куропатки перелетели на несколько шагов дальше, оставив на снегу двух неподвижных своих товарищей. Я подошел взять убитую птицу и не мог сдержать возгласа удивления. На снегу рядышком лежали две куропатки. Одна из них была ярко-розовая.

Розовый цвет птицы очень точно повторял краски природы этой горной котловины. Не отраженный ли свет сопок упал на убитую птицу и так странно окрасил ее?

Но рядом лежала вторая, совершенно белая куропатка, и тогда я понял, что передо мной редчайшая находка. Ни один натуралист мира не встречал еще розовой куропатки.

Только исследователь, испытавший радость нового открытия, может полностью оценить мое волнение.

Я бережно спрятал птиц в рюкзаке, подвязал лыжи и быстро заскользил к своим петлям и капканам, вслух размышляя о только что происшедшем событии.

Через час я был уже дома, развел огонь в печурке, зажег лампу (зимний день не баловал светом), разложил скальпели, пинцеты, булавки и благоговейно извлек добытое сокровище из рюкзака. И тут, озадаченный, я уставился на куропаток: передо мной на чистом листе бумаги лежали две совершенно одинаковые белые птицы. Я выскочил наружу и положил их рядышком на снег у подножия высокого тополя.

Не осталось и признаков розовой окраски. Пришлось вывернуть рюкзак, но и там не уцелели перья исчезнувшего цвета.

Вытащив лупу, я осмотрел каждое перышко зимнего наряда обеих куропаток. Розовый пигмент испарился бесследно. Невозможно было даже угадать, какая из птиц еще недавно казалась розовой.

Крепкий мороз загнал меня обратно в хижину. Короткий зимний день окончился. Теряясь в догадках, я решил следующим утром отправиться на поиски ускользнувшей «жар-птицы».

С первыми лучами солнца моя лыжня вспахала белую целину Глухой протоки. Все так же под тяжестью серебряных одежд изморози гнулись ивы и тополя. Охваченные утренним заревом, пламенели сопки.

Куропаток я встретил двумя часами позже на опушке ивовой рощи в глубине маленького островка. Одним выстрелом я уложил трех.

Передо мной на снегу, словно в сказке, лежали две розовые и одна белая куропатки. Быстро спрятав свою добычу в рюкзак, я поспешил в хижину. Теперь я не раскладывал пинцетов, скальпелей и булавок. Я вытряхнул добытое сокровище прямо на стол.

Одной розовой куропатки не было! Точнее, цвет ее оперенья был уже не розовый, а снежно-белый. Вторая птица почти потеряла свою окраску, сохранив лишь розоватый оттенок перьев на грудке. Вытащив походную флягу, я принялся отмачивать спиртом жемчужно-розовые перышки, надеясь уловить исчезающий пигмент.

Но все было напрасно: через час все три куропатки лежали на обструганных досках стола белые, как бумага...

Несколько дней кряду охотился я за редкими птицами. Я убил двадцать четыре розовые куропатки и мог бы настрелять их в десять раз больше. В этой горной котловине на каждую дюжину куропаток приходилось пять-шесть розовых.

И всегда чудесный цвет исчезал после гибели птицы, исчезал почти так же, как цвет утренней зари меркнет в лучах восходящего солнца.

Я добился лишь одного — научился отличать розовых куропаток от белых после исчезновения розового цвета. Оперение этих птиц было изумительно мягким и нежным...

Прошло два года. Там, где ютилась среди тополей одинокая хижина, выросли новые бревенчатые дома центральной усадьбы совхоза.

Оленьи стада, благополучно преодолев тайгу, разместились на Розовых сопках вокруг Омолонской котловины. На карте Севера появился еще один оленеводческий совхоз.

Я прощался с Омолоном, получив назначение в молодой город на берегу Охотского моря.

Скитаясь в тайге, я соскучился по шуму людских поселений.

Магадан встретил меня веселым оживлением улиц, сверканием электрических огней, дымками океанских пароходов в скалистой бухте.

Как быстро меняется жизнь советского Севера! Еще недавно на месте городских улиц простиралась тайга и геологи разбивали среди мохнатых листвениц лагерные палатки.

Только житель дальнего севера поймет, с каким удовольствием ходил я в городской театр или долгие зимние вечера просиживал в просторной библиотеке Дворца культуры.

Однажды я отправился в Магаданский краеведческий музей. Редкий экспонат сразу привлек внимание.

Это была маленькая розовая чайка. Посетители музея могли любоваться ею, откинув покрывало из черного бархата. Она, как живая, стояла под стеклянным колпаком, и мягкие лучи света озаряли нежно-розовое ее оперение.

Удивительное сходство цветов! Мои омонские куропатки почти не отличались своим жемчужно-розовым цветом перьев от крошечной чайки. Но здесь, под стеклом, исчезающий цвет сохранился.

Я взглянул на этикетку. Вот что значилось там:

«Эта чудесная птица впервые найдена в 1828 году у полярных берегов Северной Америки, но в течение 100 лет оставалась загадкой для натуралистов.

Только русскому путешественнику Бутурлину удалось описать образ жизни и отыскать гнездовья розовой чайки в низовьях реки Колымы, где она встречается наиболее часто. Больше нигде в мире не найдено гнездовий редкой птицы.

Розовый цвет ее пера со временем выцветает, поэтому хранить шкурки розовых чаек, вероятно, нужно в темноте»...

Бархатное покрывало опустилось. Опять неразрешимая загадка: розовый цвет чайки тоже со временем исчезал. Но я твердо знал, что мои розовые куропатки теряли цвет даже в темноте, упакованные в рюкзак.

Следовательно, все, что угодно, только не выцветание!

И вдруг я вспомнил Зоологический музей Московского университета, в котором бывал несколько лет назад перед поездкой на Север.

В витринах отдела тропической природы там переливалась красками великолепная коллекция колибри.

Казалось, все цвета радуги смешались в огненном блеске оперения этих маленьких птичек, многие из которых были невероятно малы.

Под зеркальным стеклом соседней витрины хранились коллекции, привезенные знаменитым русским путешественником Миклухо-Маклаем с Новой Гвинеи. Мягкое сияние розоватого жемчуга, радужные переливы перламутра раковин жемчужниц и чешуи тропических рыб не уступали чудесным краскам колибри.

Источник этой игры красок был известен натуралистам.

В тончайших поверхностных пленках пера колибри, перламутра и рыбьей чешуи происходит разложение света на составные цвета. Поэтому и пленки нефти или бен-

зина, плавая в тихой воде, словно переливаются красками.

Белый дневной свет состоит из цветных лучей. Преломляясь в призме, луч света разделяется на составные цвета: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый и их оттенки.

Лучи разного цвета имеют неодинаковую длину волны и проходят пленку прозрачного вещества с неодинаковой скоростью. При выходе из пленки смешиваются световые волны цветов. Прозрачная пленка играет поэтому всеми цветами радуги.

Словно повязка упала с глаз.

Так вот где кроется разгадка «исчезающего цвета» розовой куропатки!

Утром я отправился к директору музея. Моя просьба изумила ученого краеведа.

Я просил дать мне одно перышко с грудки розовой чайки.

Директор музея внимательно выслушал историю омонских куропаток.

— Понимаете, это был не пигмент, а преломление света!

В прозрачных пленках и мельчайших гранях пера розовой куропатки лучи красного цвета, с наибольшей длиной волны, теряли скорость. При наложении отстающих цветовых волн на другие поверхности перья светились розовым сиянием. Нежная структура пера убитых розовых куропаток сохранялась недолго. Мельчайшие бороздки постепенно теряли свою эластичность, прозрачность и тонкий рисунок кроющих пленок, и поэтому с каждой минутой слабела сила оптического явления.

Лучи света, падающие на огрубевшие пленки перьев убитой птицы, уже не разделялись на составные цвета, и кажущаяся розовая окраска оперения куропатки постепенно исчезала.

Старый краевед выполнил мою просьбу. Я положил перышко розовой чайки на стеклянный столик под сильную лупу.

Тончайшая структура пера маленькой арктической чайки достигала высшего совершенства. Прозрачные нити образовали мельчайшие грани. Даже смерть не смогла погубить виртуозного мастерства природы.

Разглядывая розовое перышко, я вспомнил Омолонскую горную котловину, какой предстала она в то первое пламенеющее зимнее утро. Теперь я понял, почему розовые куропатки встречались только в этой котловине.

Незамерзающие полыньи быстрого Омолона, испаряя воду, повышали влажность зимней атмосферы в замкнутой котловине среди высоких сопок. Недаром мохнатая опушка изморози не сходила здесь с ветвей высокоствольных ив и тополей. Невидимые ледяные кристаллики, носящиеся в морозном воздухе, преломляли косые лучи зимнего солнца, постоянно окрашивая снежные сопки Омолона в ярко-розовый цвет.

Обилие пищи на бесчисленных островах Омолона и повышенная влажность холодного зимнего воздуха помогала более пышному развитию зимнего наряда местных куропаток. Куропатки с нежным пером имели здесь больше шансов выжить в борьбе за существование. Розоватый цвет оперения скрывал их от глаз хищников на розовом же снегу.

Розовые куропатки, которых я убивал, были постоянными обитателями Омолонской котловины. Белые куропатки прилетали из соседних районов.

Теперь, когда я раздумываю над этой историей, мне кажется, что вряд ли можно подыскать более яркий пример преобразующего влияния внешней среды на диких животных.

Вероятно, и розовая чайка сохранила в своем оперении отблеск розовых сумерек ледниковой эпохи.

Сорок-пятьдесят тысяч лет назад в ледниковый период барьер Верхоянского хребта был погребен подо льдом.

В короткое холодное лето ледниковой эпохи нetaющие снежники покрывали приморские тундры, розоватые айсберги плавали в море у берегов континента. Все кругом окрашивалось в нежно-розовые тона.

Свирепые морозы зимой и пронизывающий холод арктического лета помогали развитию теплого пушистого оперения у крошечных северных чаек. Из поколения в поколение в ожесточенной борьбе за существование выживали чайки с более пушистым и тонким розоватым пером. С течением тысячелетий этот благоприятствующий признак унаследован был потомками. Кажущийся

розовый цвет чайки стал устойчивым и постоянным видовым ее отличием.

Восхищенные, мы снова и снова принимались рассматривать в лупу чудесное розовое перышко, словно перед нами лежало огненное перо жар-птицы...

СПЯЩАЯ ЯЩЕРИЦА *

— Скорее, скорее! она оживает!

— Кто оживает?

— Мертвая, думали, а вытащили из шурфа — хвостом виляет.

— Каким хвостом... говорите толком!

Молодой забойщик, в промокшем комбинезоне с ржавыми пятнами глины, явился с дальних шурфов у Золотого ключа, где опять, видно, случилась беда.

Из окон приисковой конторы открывалась величественная панорама широкой долины среди диких гор. Синеватые лиственницы теснились в глубоких распадках, и лишь упрямые одинокие деревья карабкались по кру-

* Рассказ геолога.

чам, цепляясь шупальцами распластанных корней. Вдали вознесся пик с вершиной, похожей на башню.

Плоское дно долины словно вспахали великаны. Деревья, мох и слои почвы были счищены наголо, и конусообразные отвалы перемытой породы загромаждали ее. Среди отвалов желтели на солнце бревенчатые эстакады промывочных установок. На всех вышках реяли алые вымпелы — наступило сумасшедшее время летней промывки.

Прииск шумел. Сквозь бревенчатые стены в контору врывался грохот и звон вращающихся скрубберов — стальных бочек, отделявших гальку от глины и золотоносного песка. Под самыми окнами грохочущие экскаваторы, окружив траншею забоя, словно допотопные чудовища, захватывали зубастыми челюстями синеватую глину.

Глухие раскаты взрывов приносило дальнейшее эхо — на скальном участке рвали породу.

Шурфы у Золотого ключа причиняли одни хлопоты. Металла там не было, но дела происходили самые необыкновенные. Недавно они чуть не погубили весь прииск. Золото мы добывали на полюсе холода. В жестокую стужу бесконечной полярной зимы, когда замерзали ртутные термометры, а спиртовые показывали минус семьдесят по Цельсию и все кругом сковал дьявольский холод, из этих шурфов хлынула вода...

Ревущий мутный поток мгновенно затопил ближний участок прииска. На шестидесятиградусном морозе вода дымилась паром и, заливая котлованы, замерзала, превращая экскаваторы и бульдозеры в ледяные глыбы.

Прииск удалось спасти, взорвав скалистый мыс у Золотого ключа. Рухнувшая порода преградила путь грунтовой воде, поток устремился в главное русло Тарына и образовал громадную наледь у окраины прииска.

Вечная мерзлота любила пошутить. Грунтовую воду, стиснутую между гранитной толшей мерзлоты и внезапно промерзшей почвой, с силой выбросило через отдушины шурфов. И вот теперь эти шурфы готовили новый сюрприз...

Передо мной сидел Петр Горячев, тот самый забойщик, которому пришлось на ум взорвать скалистый мыс во время зимнего наводнения. Он мял своими здоровеными ручищами кепку и рассказывал.

— Шурф, Василий Иванович, прогрели знатно. Спустили меня ребята в бадье, копаю — порода жирная, как живая ползет, сверху по стенкам вода бежит...

— Шурф-то где?

— Да все там же... Сижу как в колодце. Восьмой метр пошел — кайло стучит, опять мерзлоту греть надо. Тут оно и случилось. Давно «струйку» стерегу, близко ведь золотишко, а руками не возьмешь...

— Провались ваша струйка, влетит мне, Петр, за ваши шурфы!

Упрямство Петра Горячева давно вошло в поговорку на прииске. Молодой сибиряк был лучшим старателем в долине. Весной и поздней осенью, когда золото машинами не возьмешь, прииск трясла «золотая лихорадка» — старатели искали струйки, ямки, карманы — углубления в коренной породе, где скапливалось золото.

В тонком искусстве этой охоты Петр достиг совершенства и «видел» металл там, где порой и глаз опытного горного инженера не улавливал признаков золота.

Название Золотому ключу придумал Петр, перебравшись несколько месяцев назад в дикий распадок с бригадой своих лоточников. Напарников он подобрал себе плечо к плечу, широколицых кряжистых сибиряков. Глубокие шурфы они копали основательно — просторной шахтой, размалывая кайлами любую, самую трудную породу. Металл по ключу не шел, но сибиряки с непонятным упрямством продолжали поиски.

На пятый шурф Петр возлагал особые надежды и сутками пропадал в забое...

— Поднимаю мерзлую глину, на язык пробую, глядь, а в глине ящерка пристыла, твердая, как сосулька, — продолжал рассказывать забойщик.

— Ящерица?..

— Ну... вроде...

— Дернул я сигнал — и наверх. Ребята окружили, дивятся зверушке... Тут солнышко пригрело, она хвостом и вильни — знать, отогрелась...

— Ступайте, Петр, в больницу, возьмите банку и живо к шурфам — нужно сохранить ящерицу.

Находка ископаемых останков всегда волнует человека, а горного инженера в особенности. Рассказ забойщика о ящерице, найденной в толще вечной мерзлоты и ожившей на глазах у людей, поразил меня.

У подножия красных скал, пронизанных жилами кварца, приютилась палатка старателей. Кучи желтой глины ясно отмечали линию шурфов вдоль русла Золотого ключа.

Около рыжих отвалов пятого шурфа сгрудились старатели бригады Горячева. Они окружили Антона Баранова — курчавого парня в болотных сапогах с отвернутыми на приискательский манер голенищами. Присев на корточки, он тормозил веточкой багульника ожившую ящерицу.

Неловко переставляя серые лапки с растопыренными пальчиками, она, как слепая, тыкалась тупой мордочкой в зеленоватый влажный мох. Никогда не приходилось мне видеть таких ящериц. Это маленькое существо скорее напоминало карликовую саламандру.

— Воду пьет — не оторвешь, — сообщил Антон, кивая своим чубом на мутную лужицу, заполнившую след от болотного сапога.

— Пролежишь тыщу лет, небось полморя выпьешь, — пробасил белокурый великан с ясными, как у ребенка, глазами. Широленные шаровары, заправленные в кирзовые сапоги, оттеняли его богатырскую фигуру.

Я осторожно взял удивительный подарок вечной мерзлоты. Шершавое тельце ящерицы было очень холодным. Длина ее не превышала десяти сантиметров, она свободно умещалась на ладони. На тупой приплюснутой голове торчали крошечными перископами необычайно выпуклые глаза. Лапки с короткими пальцами походили на ласты допотопного морского ящера, уменьшенные в сто раз.

Темные пятнышки чернили бархатистую кожу с бронзовым, золотистым отливом. Пепельно-серое брюшко судорожно вздрагивало, словно ископаемая ящерица задыхалась, очнувшись от тяжелого сна.

Сколько лет проспала она в вечной мерзлоте?

Для ответа пришлось спуститься в шурф. Бадья опускалась медленно, и я внимательно исследовал знакомый разрез. Уже с двух метров пошли рыжие глины, скованные вечной мерзлотой. Тонкие прослойки светлых речных песков разрывали эту толщу. Вероятно, русло Золотого ключа в прошлом было шире, а ручей полноводнее. Петр нашел ископаемую ящерицу на глубине семи с половиной метров в мерзлой рыжеватой глине.

На приiske мы хорошо научились читать геологическую летопись по толще осадочных пород. Выходило, что ожившей ящерице не менее пяти тысяч лет...

Известие о необыкновенной находке облетело прииск. Эскаваторщики и забойщики, бульдозерщики и промывальщики собрались после смены у палаток старателей. Свертывая и заряжая крепчайшим самосадом козьи ножки и сигарки, они дивились маленькому чуду из вечной мерзлоты.

Разглядывая ожившую ящерицу, приискатели подшучивали над Петром: «Не хозяйка ли Медной горы досталась тебе в шурфе вместо золотой струйки».

Ящерица, найденная молодым забойщиком, прожила три недели. Посадили мы ее в открытый ящик на мягкую подстилку из лесных мхов. Ящик перенесли на подоконник в мою комнату, и теперь, можно было без помех наблюдать жизнь ископаемого существа.

Петр каждый день приносил ей мух, комаров, свежую зелень и лесные ягоды — бруснику, голубику, смородину и шиповник. Пробовали давать ей хлеб, оленьё мясо и сгущенное молоко. Но к пище ящерица не притрагивалась. Она лишь жадно глотала воду из блюдечка и снова скрывалась в убежище из влажных зеленых мхов.

Вероятно, пленница вечной мерзлоты питалась животными или растениями, которые давно уже вымерли.

Однажды ящерица не вышла пить воду. Петр осторожно раздвинул пушистую подстилку и нашел ее мертвой. Шершавыми губками она стиснула нежный стебелек сфагнома.

Я опустил маленькую ящерицу в спирт, плотно закупорил банку притертой пробкой и поставил редкий экспонат на письменный стол.

Летняя промывка лихорадила прииск. Металл лежал гнездами, и разыскивать их с каждым днем становилось труднее. Эскаваторы наступали разведчикам на пятки, и геологи сбились с ног в поисках новых полей.

Однажды на прииск завернул мой приятель — зоотехник оленеводческого совхоза. Усадьба совхоза находилась у Белого перевала, и зоотехник иногда заглядывал к нам после объезда оленьих стад. Он увлекался охотой, собирал коллекции птиц Оймяконской тайги и даже накалывал на булавки насекомых.

Возможно, это увлечение было полезным (в нашем краю еще не ступала нога ученого), но мы признавали лишь горные породы и частенько подтрунивали над любителем биологии из оленеводческого совхоза.

Я рассказал зоотехнику историю странной находки Петра Горячева, и мы тотчас отправились смотреть ящерицу. Расположившись у письменного стола в кресле, сплетенном из ивовых прутьев, любитель биологии осторожно извлек ископаемую ящерицу из спирта. Она, как живая, свернулась на ладони, и зоотехник недоверчиво разглядывал маленькое существо.

— И вы уверяете, что Горячев нашел ее на глубине...

— Семи с половиной метров и пяти от кровли вечной мерзлоты. Можете убедиться сами — Петр все еще роет свои шурфы.

— Не может быть! — сказал биолог, сдвигая на лоб очки с выпуклыми стеклами. — Произошла какая-то ошибка. Этого никак не может быть, — повторил он, — на этих глубинах царит вечный холод в минус десять градусов... наука не знает столь длительного анабиоза позвоночных животных.

Мой приятель вытащил карманную лупу, поднес ящерицу к носу и осмотрел спинку и бока обитательницы вечной мерзлоты.

— Да ведь это не ящерица!.. Кожа-то голая, и нет чешуи, это амфибия...

— Саламандра?..

— Не знаю... Нужен определитель. Важно, что перед нами амфибия... понимаете, амфибия!

Температура тела земноводных непостоянна и быстро принимает температуру окружающей среды. Лягушки и жабы с наступлением зимних холодов цепенеют, впадают в спячку и не берут пищи всю зиму. Однажды в Исландии удалось заморозить в картонной коробке с землей жаб до ломкости ножек и затем оживить, постепенно оттаивая в слегка подогретой воде...

Осмотрев ископаемую саламандру, гость отправился к Золотому ключу, придирчиво исследовал шурф Петра Горячева и внимательно выслушал бесхитростный рассказ старателей. В туманной перспективе Золотого ключа терялись рыжие отвалы бесконечной линии новых шурфов.

— Полюбуйтесь... полгода эти молодцы долбят Золотой ключ, и вытащить их оттуда невозможно... не миновать нам головомойки из управления.

— Вашу ископаемую амфибию необходимо послать в Академию наук для точного определения...— задумчиво произнес зоотехник, не слушая меня,— находка Петра Горячева может опрокинуть все наши представления о длительности анабиоза.

Распрощавшись с приятелем, я с первой же почтой отправил в Академию наук банку с подарком вечной мерзлоты и подробное описание обстоятельств удивительной находки.

...Лето промчалось незаметно. Наступила зима. Морозы сковали почву, превратив ее в гранит. В последний месяц летней промывки металл словно провалился сквозь землю, и годовой план повис в воздухе. Зимняя промывка дело нелегкое. Мы рвали «торфа» — верхнюю пустую породу — аммоналом и обнажали последние малопродуктивные поля золотоносного песка.

Письмо из Академии наук пришло с зимней почтой. Мы сидели с маркшейдером в конторе прииска и разбирали неутешительные сводки участков. Из окна сквозь обмерзшие стекла вливалось мягкое сияние короткого зимнего дня. Вдруг большой синий пакет, обклеенный марками, выскользнул из кипы неразобранных бумаг. Крупным типографским шрифтом на конверте значился обратный адрес: Академия наук СССР...

Я быстро разорвал конверт и, смахнув сводки, вытряхнул на стол письмо, отпечатанное на плотной, блестящей бумаге. Пропустив первые строки и взглянув на подпись, я стал читать вслух письмо академика:

«Разрешите выразить Вам от имени института благодарность за интересное сообщение и уникальный экземпляр *Nynobius keiserlingi*, добытый Петром Горячевым из вечной мерзлоты. Эта находка представляет исключительный научный интерес и вызвала горячие споры наших герпетологов.

Голая кожа, хвост, сжатый с боков, выпуклые глаза и четыре пальца на задней лапе весьма точно определяют систематическое положение найденного существа. Это *сибирский четырехпалый тритон* — древнейший и примитивнейший вид из всех хвостатых амфибий, обитающих на земле.

Ныне эти редкие тритоны живут в Сибири от Урала до Камчатки и от южносибирских степей до полярных тундр. Водятся они и у Вас в бассейне Индигирки и Колымы. Отыскать взрослых сибирских тритонов очень трудно, чаще находят в мелких лужах их личинки, похожие на крошечных головастиков длиной в сантиметр. Взрослые тритоны живут на суше, прячутся в покрове зеленых мхов и зимой в колымскую стужу, вероятно, замерзают, погружаясь в анабиоз.

Главный интерес представляет вопрос о длительности анабиоза сибирского тритона, добытого старателями Золотого ключа из толщи вечной мерзлоты.

Как известно, анабиоз своеобразное состояние организма на грани между жизнью и смертью, когда обмен веществ прекращается и все видимые проявления жизни затухают. Животные впадают в анабиоз под влиянием холода или сильного высушивания. В этом состоянии организмы могут долгое время находиться без пищи и воздуха.

Крошечные тихоходки из членистоногих, а также многие бактерии переносят длительное высушивание или охлаждение до минус 150—270 градусов в безвоздушном пространстве и после благополучно оживают. Высушенные семена некоторых растений не теряют всхожести несколько тысячелетий.

Многовековой анабиоз в животном мире известен лишь у простейших беспозвоночных. В 1937 году геологи Амурской мерзлотной станции Академии наук извлекли пятьдесят видов водорослей, пятнадцать видов бактерий и микроскопического рачка хидоруса из торфяных прослоек, погребенных в толще вечной мерзлоты на глубине 3—4 метров. Оцепеневшие животные ожили в теплом помещении станции. Около трех тысяч лет анабиоз сохранял им жизнь в вечной мерзлоте».

Я умолк, погрузившись в раздумье. «Неужели наш тритон спал в вечной мерзлоте тысячелетия?»

— Читайте, читайте дальше,— нетерпеливо проворчал маркшейдер...

«Опыты с замораживанием позвоночных животных разочаровали биологов — в лабораториях не удавалось полностью заморозить эти более сложные организмы и погрузить в длительное окоченение. Подопытные животные гибли, как только вода в тканях тела замерзала

кристаллики льда разрывали нежные клетки внутренних тканей — нервной и кровеносной системы.

Поразительный случай полного замораживания и оживления позвоночных был открыт на дальнем севере. Полярные путешественники обнаружили на Аляске и на Чукотке небольших рыбок длиной в 10—15 сантиметров, похожих на угрей. Это были знаменитые *Dallia pectoralis* — черные рыбы.

Местные жители находили их вмерзшими в лед тундровых болот и мелководных рек, промерзавших до дна. Рыбки отличались приятным вкусом, и северяне охотно употребляли их в пищу. В пятидесятиградусные морозы погонщики собак возили мерзлых рыбок в мешках и плетеных корзинах. В теплом помещении они оттаивали и оживали. Вмерзая в лед, черные рыбы восемь зимних месяцев находились в анабиозе.

Зоолог Бородин выписал из Аляски полтора десятка черных рыб и заморозил при температуре в минус 20°. Рыбы замерзли окончательно, их можно было складывать в поленицу. Медленно оттаивая, удалось оживить черных рыб...»

— Чудеса... — пробормотал маркшейдер. — Помните разведку на Лыглыхтах. Лоточники мои рыли шурф на террасе и вдруг уперлись на глубине в погребенную ледяную линзу. А в лед большущие рыбы вмерзли — старицу древнего русла нашли...

— А рыбы?

— Продукты кончились, не прошел караван через Белый перевал. Ребята зажарили... вкусные, будто пойманы только что. Много золота взяли под линзой. Эх, оживить бы древних рыбин!

Я стал читать дальше:

«...Вода при быстром охлаждении в тонких капиллярах часто переходит в особое полутвердое состояние «остекления», минуя образование льда. Молекулы такой воды располагаются в пространстве без особого порядка, и охлаждать воду можно, не замораживая, почти до абсолютного нуля: —272 градуса. Кристаллики льда при этом не образуются, и живые ткани сохраняются.

В этом, вероятно, секрет длительного анабиоза и благополучного оживления Вашего четырехпалого тритона. Окоченевший тритон в состоянии «остекления» мог покоиться в земле очень долго. Вечная мерзлота —

гигантский холодильник с выровненными низкими температурами, и в своих недрах она хранит еще много необыкновенных находок...»

Пронзительный звонок прервал чтение. Телефон мы провели недавно, соединив линией связи дальние участки прииска. Я схватил трубку и тотчас узнал голос Петра Горячева.

— Скорее, скорее!

— Что случилось?..

— Нашел... приезжайте скорее, нашел!..

— Петр, говорите толком...

— Золото!.. видимое золото... орехами лежит...

Трубка вывалилась у меня из рук. Видимый металл самородками в орех — редкое явление. Сибиряки нашли сердце золотоносной жилы.

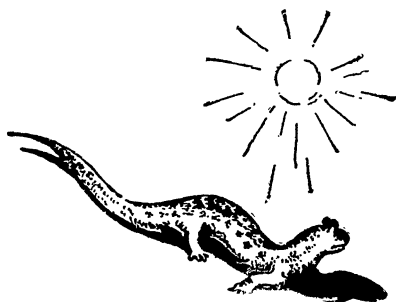
— «Синюху» прошли в пятом, седьмом, пятнадцатом шурфе... тут оно и пошло, — кричал Петр. Снимайте экскаваторы и бульдозеры с Ближнего, гоните к Золотому ключу...

Голос Петра оборвался. Я обернулся к маркшейдеру. Усы у него топорщились, глаза лихорадочно блестели...

— Вот он — план... не подвели сибиряки!..

«Синюха» — это илистая синеватая глина, верный признак богатой россыпи. Синеватые глины скапливались в древнем русле реки, там, где течение внезапно замедляло свой бег. Золото оседало на дно, и тонкие илистые частицы, опускаясь, заволакивали россыпь...

Невероятный лязг и грохот заглушили наши голоса. Казалось, что домик конторы заваливают гремящие листы железа. Мимо окон на полном ходу проходили мощные бульдозеры с Ближнего участка. Они спешили к Золотому ключу...

ПОЛУОСТРОВ ЗАГАДОК

„ОРЛЯТА“

— Кратеры вулканов?!

— Вы угадали, раскаленная магма подступает к поверхности и греет эту землю. Полуостров взлетит однажды на воздух, и лава навсегда похоронит его тайну.

— Вулканы на сибирском побережье?!

— Иначе не объяснишь этого чуда,— горячится топограф, сдвигая помятую шляпу на затылок.— Вы увидите там иной мир: заросли курильской березы и южных папоротников на дальнем севере, гигантские травы, скрывающие всадника, невиданные растения у голубых озер на дне кратеров, а за каменным барьером — пепелища давних поселений, усыпанные расколотыми раковинами, каменными топорами и кремневыми ножами.

— Невероятно...

— Это осколок прошлого, нечто вроде «Земли Санникова», уцелевшей до наших дней.

Топограф сбрасывает шляпу на столик и вытирает клетчатым платком вспотевший лоб, исчерченный тонкими морщинами. Мы коротаем вечер в маленьком кафе на главной улице Магадана.

Манящие рассказы о таинственном полуострове я уже слышал в приморских поселках. Полуостров лежал в семидесяти милях от столицы самой дальней области на северном побережье Охотского моря и, по свидетельству немногих очевидцев, был островом неожиданностей среди безбрежного моря Колымской тайги.

Беседа с топографом явилась каплей, переполнившей чашу. Директор Магаданского краеведческого музея давно собирался исследовать полуостров и даже объявить его заповедником.

Проблема заповедника мало заботит местное начальство, занятое освоением несметных ресурсов огромного Колымского края. А что если перегородить узкий перешеек полуострова поваленными лиственницами и запустить в естественную ловушку несколько тысяч северных оленей из ближайшего оленеводческого совхоза?

Взгляните на карту северного побережья Охотского моря, и вы увидите береговую линию, причудливо изрезанную полуостровами. Изгороди на перешейках наверняка откроют здесь новые хозяйственные перспективы.

Пространную докладную записку оканчиваю словами: «Полуостровное оленеводческое хозяйство снабдит город олениной и не помешает охранять природу заповедного уголка».

План экспедиции на полуостров утверждается с поразительной быстротой.

Затея с изгородью не нравится ученому-краеведу. Ему кажется, что северные олени испортят заповедный ландшафт. Не соглашаюсь с ним, ведь в прошлом дикие северные олени являлись неотъемлемой частью пейзажа охотского побережья. Охраняя природу, человек в нашей стране должен заботиться и о преобразовании ее.

Собираясь в экспедицию, запасаясь метеорологическими инструментами, полагаю, что загадку полуострова помогут раскрыть одновременные наблюдения на южном и северном берегах полуострова и в его высокогорном центре.

Краевед сомневается в успехе экспедиции.

— Для вашей изгороди «метеорологическая гирлянда» не понадобится, вряд ли вам утвердят штат наблюдателей.

В этом директор музея не ошибся. Штат наблюдателей действительно не утверждают. Приходится ломать голову, выискивая дополнительные средства.

Помогает случай. В магаданской газете напечатали коротенькую заметку о снаряжении экспедиции на загадочный полуостров. «Советские ученые,— писал восторженный корреспондент,— раскроют еще одну тайну удивительной природы Севера...»

Утром в краеведческий музей, где я готовлю листы для гербария, являются трое ребят. Смущенно переглядываясь, они стоят передо мной, не решаясь заговорить. Самый старший, застенчивый юноша лет семнадцати с необычайно серьезным, почти грустным выражением карих глаз, тихо говорит:

— Возьмите нас в экспедицию... мы очень хотим изучать полуостров.

— Откуда вы?

— У нас каникулы...

— В каком классе учитесь?

— Я в девятом, Воробьев в восьмом, а Юшкевич в шестом,— юноша кивает на худенького тщедушного парнишку с веснушчатым бледным личиком. Он прячется за спиной стройного и тоже не очень-то высокого Воробьева, испуганно поглядывая большими серыми глазами.

— Экспедиция не детский сад,— хмурясь, указываю я на Юшкевича.

И вдруг мальчик смело шагает к столу. Ясные серые глаза его оживают.

— Я все умею: разводить костер, чистить картошку, разгадывать следы, стрелять из лука. Мы пригодимся, возьмите нас...

Речь крошечного Юшкевича веселит меня.

— Как тебя звать, предводитель команчей?

— Орленок!..

Неожиданно приходит в голову простая мысль.

— Вот что, орлята, экспедиции нужны наблюдатели — смелые люди, которые не струсят в глуши полуострова и в любую погоду усмотрят за приборами.

Глаза ребят загораются. Они жадно оглядывают странные очертания полуострова на карте. Юшкевич вытягивается на цыпочках и трогает тонкими пальцами флажки на местах будущих наблюдательных станций.

— В устье Умары высадутся наблюдатели Северной станции, а Южной — на побережье Охотского моря, за каменным барьером. Вот сюда, в кратеры центрального района, проникнут с приборами наблюдатели Высокогорной станции. Приборы, транспорт у нас есть, а денег для наблюдателей нет. Понимаете, о чем я говорю?

— Нужен исследовательский школьный поход, — быстро отвечает юноша, откинув со лба пряди чуть вьющихся темных волос.

— Да...

— Эх, ребята, эх... — маленький Юшкевич оглядывает всех влажными, блестящими глазами.

Думал ли я, что этот худенький, большеглазый хлопчик окажется через месяц в центре драматических событий на полуострове.

...Теперь наблюдателей у меня хоть отбавляй. Десять школьников старших классов отправляются из Магадана в исследовательский поход на полуостров.

В городском спортивном обществе ребята раздобыли на поход деньги, получили рюкзаки, спальные мешки, палатки. Каждый день в тихих залах краеведческого музея появляются связные и докладывают о подготовке похода.

Недоверчиво разглядывая шумных посетителей, директор музея ворчит:

— Будете нянчиться с ними в горах, не дадут они вам работать.

Но «орлятам» не нужна нянька. С кипучей энергией они набрасываются на любое, самое трудное задание и выполняют с поразительной быстротой.

Не повезло лишь Юшкевичу. Школьные врачи не решались отпустить в поход худенького, болезненного на вид шестиклассника.

Накануне отъезда ко мне пожаловал Евгений — девятиклассник, предложивший идею школьного похода. Рассудительного, спокойного Евгения ребята выбрали начальником Южной, самой дальней группы наблюдателей. Вместе с ним является Юшкевич, грустный и подавленный.

— Нужно взять Юшкевича на полуостров, не поеду без него,— заявляет Женя, нахмурившись.

Волосы на его макушке топорщатся, и взъерошенный паренек очень похож на драчливого петушка.

Ультиматум смущает меня. Слишком мал Юшкевич для серьезной экспедиции. Группу Евгения я хочу посадить на глухом Южном берегу полуострова. Цепь скалистых кратеров отгораживает этот пустынный берег. Правда, наблюдателям Южной станции придется жить на постоянном месте, в большой палатке, следить лишь за приборами, но...

— Все равно уйду...— неожиданно всхлипывает Юшкевич.

— Убежит... он мешок сухарей набрал.

Настойчивость ребят трогает меня, и я махнул рукой на возможные неприятности:

— Берите, берите вашего Юшкевича, на мою голову...

Яркий румянец освещает бледное личико мальчика. Подхватив запасной рюкзак, Юшкевич юркнул в дверь и стремглав домой — собираться в дальний поход.

В ясное июльское утро мы покидаем широкую скалистую бухту близ Магадана и выходим в плавание. Косым форштевнем морской катер вспахивает малахитовую равнину океана. Катер тянет на буксире просмоленный десятитонный рыбацкий кунгас. Мягкая зыбь плавно качает кунгас и вместе с ним выючные ящики, пузатые альпийские рюкзаки, мешки с продовольствием, свернутые палатки и спальные мешки.

Облитый солнцем берег просвечивает в туманной дымке. Зеленый океан колымской лиственничной тайги, надвигаясь с севера, внезапно обрывается у края голых, желтеющих стен, одетых в кружево пены.

Молчаливо толпятся притихшие «орлята» у фальш-борта, прощаясь с родным берегом. Только маленький Юшкевич не замечает уплывающих береговых скал. Скрестив на груди руки, широко расставив ноги, обутое в большие сапоги, он стоит на баке, пристально всматриваясь в дальний горизонт.

— Что ожидает нас впереди, в дебрях неисследованного полуострова?

Чайки кружат над кунгасом с жалобными протяжными криками. В море то и дело появляются блестящие

головы нерп. Стайки черных, словно бархатных, турпанов плавают совсем близко у борта. Над водой со свистом проносятся крыло в крыло, точно связанные незримой нитью, топорки с большими оранжевыми клювами. Они устремляются на северо-восток, по нашему курсу, к птичьим базарам полуострова.

К полудню на горизонте отчетливо проступают ребристые пики полуострова. Они соединяются в длинный хребет. В лощинах по склонам хребта белеют еще не стаявшие снежники. Ближе к перешейку полуострова, где высоты понижаются, снежники пропадают. На западе вершины крутыми уступами спадают к морю, сливаясь с острым гребнем мыса Таран.

Мы хотим миновать этот каменный гребень, далеко врезающийся в море, проплыть вдоль скалистых западных берегов полуострова, обогнуть мыс Овар и высадиться в устье Бургавли на пустынный южный берег.

Но высадиться на полуостров оказывается нелегко. За мысом Таран с моря налетает сильный ветер. От горизонта ползут взлохмаченные свинцовые тучи. Море чернеет и волнуется. Отвесные мокрые утесы западного берега неумолимо приближаются. Пристать негде: бухт здесь нет, а реки спадают с каменных уступов серебряными лентами водопадов.

Дождевые облака окутывают мрачные зазубренные вершины. Завеса сильного дождя укрывает береговые утесы, но мы явственно слышим пушечные удары волн. Ребята бросаются задраивать брезентом снаряжение экспедиции.

Наваливаюсь на рулевое бревно, удерживая кунгас в кильватере, и неожиданно замечаю Юшкевича. Вцепившись в поручни, он высоко взлетает с носом кунгаса, скрываясь в фонтанах брызг. Куртка его вымокла, по зарумянившемуся лицу сбегает вода. Каждую минуту, дьяволенок, может сорваться и угодить за борт.

— Юшкевич, марш вниз! — кричу я не своим голосом.

Мальчик испуганно оглядывается, спрыгивает на дно кунгаса и принимается увязывать с товарищами брезент.

Катер меняет курс, уходит в море, подальше от гибельных утесов. Ребята забираются под мокрый

брезент, укладываются на мягкие тюки. С непривычки их укачивает.

Юшкевич пробирается на корму помочь управлять непослушным рулем. В своем ватнике, спускающемся до пят, он приплясывает на мокрой палубе у скользкого набухшего бревна.

Волна тяжело бьет в борт; кунгас, содрогнувшись, валится на бок... И тени страха не вижу на лице отважного мальчика. Большие серые глаза горят боевым задором, он толкает румпель, помогая выровнять кунгас.

— Молодец, орленок... крепче держи руль...

Шторм оканчивается так же быстро, как начинается. Тучу проносит, и солнце освещает разгулявшееся море. Вдали маячит низкий мыс Овар с гривой пенящихся бурунов.

Под защитой мыса Овар приходится бросить якорь и переждать волнение. Только через несколько часов катер проскальзывает с приливом в устье Бургавли, укрытое песчаными стрелками. Кунгас толкается в пустой, дикий берег, усыпанный галькой, и мы быстро выгружаем снаряжение экспедиции.

На желанный берег со мной высаживаются наблюдатели Южной и Высокогорной станций. В кунгасе остаются наблюдатели Северной станции. К полуночи они должны вступить на северный берег полуострова и установить приборы в устье Умары.

Вскоре катер с кунгасом на буксире скрывается за дальними скалами, и мы остаемся одни на пороге таинственного, неведомого мира, куда не ступала еще нога исследователя.

НЕРАЗГАДААННЫЕ СЛЕДЫ

Ярко светит солнце, шумит прибой, волны лижут приморский пляж, разукрашенный раковинами и лентами зеленоватых водорослей. Ребята, ошалевшие от радости и новых впечатлений, тихо переговариваются, разбирая снаряжение и приборы для Южной станции.

Зарядив на всякий случай ружье, отправляюсь на разведку — выбрать наблюдательную площадку.

Прирусовая терраса, покрытая голышами, осталась позади, перехожу вброд неглубокую старицу, иду среди

пышной зелени разнотравья. Поражает яркая пестрота луга, не свойственная блеклым краскам севера. Повсюду видны розовые, желтые, синие и фиолетовые цветы, ярко зеленеют листья невиданной на севере формы.

И вдруг среди пестрого разнотравья замечаю причудливо вырезанный цветок. Он качается на тонком стебельке.

Лилия?!

Да, это лилия, сородичи которой растут далеко на юге, на теплых вулканических Курильских островах.

Вытаскиваю нож и осторожно выкапываю южную гостью, первую ласточку удивительного гербария, собранного мной на полуострове.

В двух шагах, около трубчатых стеблей чемерицы, растет целая семья камчатских ирисов. Чемерица еще не цветет, а крупные бутоны ирисов выпустили лишь фиолетово-бархатные гребешки.

Увидеть лилию вместе с ирисом можно лишь на Курильских островах. Как очутились эти цветы на полуострове, близ Магадана, в суровом царстве северной Колымской тайги?

Поднимаюсь на соседний уступ древней морской террасы...

Что за чудо?

Под каблуком сапога мягко пружинит ковер настоящей северной тундры. По земле стелются мхи, лишайники, веточки шикши, курчавится низкорослый сибирский багульник, разрастаются тощие кустики голубики, цветет морошка.

Клочок тундры словно перелетел сюда с дальнего севера. Чем объяснить странное смешение растительности в устье Бургавли? Может быть, приборы Южной станции следует установить на плоской тундрочке древней террасы, плавно поднимающейся к близким сопкам?

Тут и там горбятся невысокие курганы, отмеченные буйной порослью луговых злаков. Курганы теснятся тоже к береговому обрыву. Интересно почему?

Вершины холмов осели и провалились, образуя небольшие кратеры, густо заросшие мятликом и пыреем, а на дне — влаголюбивой осокой и хвощами. Вероятно, в этих воронках зимой скапливается снег, а весной — талая вода. Склоны холмов в зарослях вейника по грудь человеку.

На склоне самого большого холма среди вейниковых джунглей змеится утоптанная тропинка. Узенькая стенка приводит на плоскую, как стол, вершину.

Невольный крик срывается с губ. У ног земля разверзается черным отверстием квадратного люка.

Осторожно заглядываю вниз. Вижу сухой песчаный пол, усыпанный разбитыми раковинами, кучу золы с обугленными головешками. Вниз спущено бревно, выбеленное временем. Свежие зарубки служат, очевидно, ступеньками.

— Эй, живы хозяева?!

Никто не отвечает в землянке, скрытой внутри кургана. Спускаюсь по шаткому бревну в подземелье и чиркаю спичку.

Землянку вырыли в песчаной почве, перемешанной с морскими раковинами. В углу желтеет примятая подстилка из высушенного вейника...

Спичка тухнет. Мне почудилось, что на полу землянки разложены, точно на музейной витрине, орудия из черного камня. Опускаюсь на колени, быстро зажигаю новую спичку.

На песке тускло отсвечивают три каменных топора, несомненно шлифованных рукой первобытного человека. Рядом стоит плошка, выдолбленная из камня, с беловатым налетом застывшего жира и щепоткой мшистых стебельков.

Светильник?..

Горящей спичкой растапливаю жир и зажигаю самодельный фитиль. Желтоватое пламя колеблется, освещающая подземное жилище.

Куча золы с обугленными головешками почти засypпает очаг, сложенный из крупных голышей. Ножом соскабливаю уголь с головешки и обнажаю сухую древесину тополя, совершенно не тронутую временем. Очевидно, огонь в этом очаге пылал недавно.

В углу землянки валяются потемневшие глиняные черепки. Знакомый орнамент украшает обожженную глину. Такие же черепки хранятся в витринах магаданского музея. Их выкопали в городищах древних коряков на побережье Тауйской губы.

Часть песчаной стены, там, где валяются черепки, осыпалась. Из груды расколотых раковин торчит заостренный костяной наконечник. Отполированная кость

пожелтела. Вытаскиваю гладко обтесанный костяной гарпун.

Находки в землянке смущают меня. Курган, несомненно, скрывает вещи древних приморских коряков. Но почему неизвестные обитатели землянки пользовались этими первобытными орудиями еще совсем недавно?

Забираю каменные топоры, черепки, светильник и острие костяного гарпуна, прячу в полевую сумку и выбираюсь на волю.

Черная, как уголь, восточносибирская ворона, нахохлившись, сидит на соседнем холме, точно ворон на могильном кургане.

— Кыш-ш, проклятая...

Ворона не пошевелинулась и, склонив голову с черным клювом, выжидаяще поглядывает на меня. Скидываю с плеча винтовку, и хитрая бестия взлетает, злобно каркнув на прощание.

С моря опять дует свежий южный ветер. Рваные клочья белого тумана ползут над потемневшими волнами, задевая пенные гребни. На высокой морской террасе противоположного берега Бургавли виднеются еще десятка два заросших курганов.

Передо мной раскрывается панорама большого городища, никому не известного поселка древних коряков. Триста лет назад селения приморских зверобоев и рыбаков достигали на юге Тауйской губы. Жили они в полуземлянках, обсыпанных песком и раковинами съедобных моллюсков. В эти жилища коряки проникали через дымовые отверстия в настиле крыш.

Теперь на месте многолюдного поселка в устье Бургавли остались лишь курганы обрушенных землянок, заросшие вейником. Догадываюсь, почему землянки сходятся у края морской террасы. С обрыва как на ладони открывается вся бухта, и древние зверобои с крыш своих жилищ могли следить за приближением добычи — морского зверя и косяков рыбы.

Потомки древних приморских коряков живут сейчас на побережье Пенжинской губы, Северной Камчатки и в бухтах Берингова моря за далеким Корякским хребтом. Они давно объединились в колхозы, построили рубленые дома, коллективно промысляют морского зверя и рыбу, добывают пушнину и даже выращивают овощи.

Почему опустел многолюдный поселок древних коряков в устье Бургавли?

Решаю в свободное время заняться раскопками городища. Ведь за барьером скалистого хребта на необитаемом южном берегу полуострова в обвалившихся корякских землянках можно раскопать нетронутые остатки материальной культуры исчезнувших корякских племен.

В этом убеждает тяжесть полевой сумки, доверху набитой археологическими находками.

Но кто поселился в сохранившейся корякской землянке? Уж не последний ли потомок древних обитателей полуострова?

Выбираю подходящую площадку для метеорологической станции. Выхожу на край обрыва, и вдруг вижу внизу на пляже одинокую маленькую фигурку, присевшую за выбеленный ствол плавника.

— Юшкевич?! Ты что там делаешь?

— Скорее, скорее... дикари! — тревожно оглядываясь, кричит он.

Спускаюсь с уступа морской террасы.

— Какие дикари?

— Смотрите, следы дикаря!..

На песке глубоко вдавились следы босой косолапой ступни с оттопыренным большим пальцем. Нога, оставившая след, редкой величины.

— Ого, сорок пятый, номер «снежного человека»!..

— Ушел в море человек-амфибия...— вытаращив глаза, громким шепотом произносит мальчик, указывая на глубокие отпечатки, уходившие в набегающую пену волн.

След человека и обжитая землянка на пустынном берегу полуострова тревожат воображение. Незнакомец не мог скрыться на дно океана, вероятно он уплыл в море на лодке.

В примятых зарослях вейника, там, где дюны соединяются с речной террасой, находим сломанное двуперое весло. Здесь неизвестный обитатель корякской землянки прятал легкий челн.

— Куда пропал коряк? — спросил Юшкевич, удивленно оглядывая неспокойное море.

— Не знаю... пока не говори ребятам о следах!

Не хочу тревожить наблюдателей накануне похода

к центру полуострова. Запрещение пришлось по душе маленькому фантазеру. Его манит все необычайное и таинственное.

Ребята уже разобрали снаряжение и подготовили приборы. С любопытством ощупывают они орудия из камня и кости, добытые в коряжской землянке, и дары моря, найденные в песке.

Близится вечерний срок наблюдений, нужно открывать станцию. Захватив приборы, лопаты, заступ, топоры, сухие жерди и стволы плавника, отправляемся на древнюю морскую террасу. Юшкевич, вооружившись карабином, остается стеречь вещи экспедиции.

«Орлята» зарывают столб для дождемера, устанавливают метеорологические термометры, укрепляют мачту с флюгером и ветромером. Барометр и психрометр решаем хранить по соседству в покинутой коряжской землянке.

Ровно в 19 часов Евгений торжественно записывает в журнал первый отсчет с приборов. Южная станция вступает в строй.

Палатку для наблюдателей ставим на открытой галечной террасе у места выгрузки экспедиции. Юшкевич, таинственно подмигнув мне, предлагает выстроить ограду «против медведей».

Уже в сумерках складываем вокруг палатки невысокий вал из плавника. Получается маленькая крепость, защищенная бруствером, глубоким руслом Бургавли и протоком старицы.

После ночлега собираюсь выступить с наблюдателями Высокогорной станции в пеший поход к высотам полуострова.

Под шум прибоя и свист штормового ветра крепко засыпаем в теплых спальных мешках, не подозревая, что непредвиденное происшествие задержит выход высокогорного отряда.

Утро наступает ясное, тихое. Солнце освещает дальние пики и яркую зелень рощ на близких речных островах.

Дежурные разводят костер, вешают на закопченный прут ведро с водой. Наблюдатели Высокогорной станции укладывают ношу в рюкзаки. На плечах они уносят в горы приборы, палатку и двухнедельный запас продовольствия.

Собираясь завтракать, не находим Юшкевича. Спальный мешок мальчика пуст. Пропал и мой карабин. Ребята обшаривают окрестности лагеря, кричат и свистят, но никто не откликается.

Будим Воробьева. После ночных наблюдений он заснул последним. Оглядывая смятый спальный мешок пропавшего, Воробьев испуганно говорит:

— В палатку я вернулся полвторого, Юшкевич спал, укутавшись с головой, карабин лежал вот тут, около изголовья...

На ящике с галетами Евгений обнаруживает журнал метеорологических наблюдений. В 7 часов утра Юшкевич аккуратно записал показания всех приборов. А сейчас было уже девять.

Куда запропастился малец? Невольно вспоминаю вчерашние находки. Угораздило же взять мальчишку в экспедицию...

Следы пропавшего находим в мокром песке у прибойной полосы. Отпечатки сапог уводят к дальнему скалистому мысу. Отправляю ребят в лагерь готовиться к походу, а сам с Евгением быстро иду по следу.

Над морем проносятся стайки красноклювых тупиков, пролетают черные, будто обсыпанные сажей, бакланы, они тоже спешат к скалистому мысу.

— Птичий базар ищет, карабин взял,— нахмурившись, ворчит Евгений.

Вот следы описывают петлю у груды расколотых раковин мидий. Перламутровые осколки мягко отсвечивают в лучах утреннего солнца.

Интересно, кто лакомился у моря моллюсками?

Долго пробираемся по берегу и натываемся на мертвую нерпу, выброшенную прибоем. Вся она исколота каким-то острым орудием и раскромсана на части. Судя по следам на песке, Юшкевич внимательно осмотрел странную находку.

Вскоре песчаный пляж упирается в отвесную скалу мыса. Дальше пути нет, волны ударяют в подножие каменной стены, которая отвесно уходит в глубины моря. Следы поворачивают к обрыву и подводят нас к узкой расселине.

Цепляясь за камни, едва не сорвавшись, мы выбираемся на край обрыва.

В этом месте терраса соединяется с крутой осыпью. Она уходит к зазубренной вершине. Примятый мох и сломанные кустики голубики едва сохраняют следы.

— Ушел, парень, на сопку... Эх, и будет ему баня... На три часа задерживаем высокогорный отряд...

— Смотрите, куда забрался!

Крошечная фигурка темным силуэтом выделяется на экране белого облака. В бинокль я узнаю Юшкевича. С карабином в руке он спускается с вершины, сползая вниз по осыпи.

Долго мы ждем у подножия сопки, ругая маленького бродягу. Наконец, Юшкевич является. Вид у него красивый: измазанная куртка, порванные штаны, вспотевшее лицо в полосах грязи и взъерошенные, как иголки ежа, вихры.

Не успеваю дать ему взбучки...

— Полуостров взлетит на воздух, как у Жюль Верна,— выпаливает Юшкевич.

— Что-о-о?

— Скалы дымят...

— Дымят скалы?

— Там,— взмахивает карабином мальчик,— из трещины дым валит...

Юшкевич рассказывает о своих похождениях. Выполнив утренние наблюдения, он оставил журнал в палатке, взял карабин и пошел «обследовать берег». На сопку его завел азарт исследователя. С большим трудом вскарабкался он на вершину. Разрушенный гребень оказался узким, «как лезвие ножа», к небу «торчали каменные перья». Отвесными стенами обрывалась сопка к морю, образуя «укрытый фиорд, невидимый с моря». Внизу из темной щели в стене «этого кратера, залитого океаном», поднималась струйка синего дыма.

— Дым поднимается из вулканической трещины, будет землетрясение,— почти шепотом оканчивает паренек свой фантастический рассказ.

— Спуститься к трещине можно?

— Можно... по веревочной лестнице или забраться снизу... если заплыть в кратер на лодке с моря...

Юшкевич, очевидно, сделал интересную находку. Вероятно, вулканические газы вырываются там наружу. Следовало бы осмотреть фумаролу после альпийского

похода, а сейчас нужно спешить установить приборы Высокогорной станции.

Запрещаю Юшкевичу отлучаться впредь из лагеря.

БУРГАВЛИ

Лишь к полудню с тяжелой ношей за плечами мы покидаем морской берег и уходим вверх по течению Бургавли в глубь полуострова.

Выстроившись у защитного вала, наблюдатели Южной станции провожают нас прощальным салютом. Евгению я оставил свой карабин. Воробьев палит из охотничьего ружья, Юшкевич машет луком, согнутым из гибкого стволика березы.

Стволик камчатской березы он выловил из реки. На охотском побережье в окрестностях Магадана простирается северная тайга, и березы тут нет. Откуда горная река принесла это деревцо?

В долине Бургавли перед нами открывается загадочный зеленый мир полуострова.

В светлых рощах чозений — высокоствольных древовидных ив с темной морщинистой корой — тонем в буйном разнотравье. В Колымской тайге ивовые рощи постоянно встречаются в речных долинах, на галечных и песчаных островах. Но в рощах на берегах Бургавли поражает высокотравье, разрастающееся среди деревьев в непроходимые джунгли.

Двухметровый вейник, похожий на камыш, зонтики дудника над головой, высокие свечи иван-чая, гигантская крапива и... камчатский шеломайник — такие травы обычны лишь для ивовых рощ Южной Камчатки и Курильских островов.

Среди чозений, словно ископаемые мастодонты в стаде оленей, вздымаются могучие стволы одиноких тополей. Трудно определить в этой чаще высоту пришельцев с юга. Эти деревья мне напоминают далекое Черноморское побережье Кавказа. Там иногда встречаются такие великаны.

Полоса густых рощ оканчивается, выходим на сухие и плоские террасы, заросшие мелким ольховником и куртинами приземистого кедрового стланика. У проток растут тополя с причудливо разветвленной, словно раз-

давленной кроной, напоминающие среднеазиатский карагач.

Вскоре кедровый стланик постепенно вытесняет ольху, заглушает разнотравье, сплошь укрывает склоны соседних сопок.

Вступаем в настоящие стланиковые дебри. Вокруг сплетаются изогнутые красноватые ветви в кистях душистой колкой хвои. Ступить на землю негде, и мы, подпрыгивая на пружинистых ветках, шагаем, словно по воздуху, цепляясь и повисая на смолистых сучьях, точно обезьяны. Пружинистые стволы подбрасывают вверх, зажимают рюкзаки, стаскивают сапоги, рвут одежду, больно ударяют зазевавшегося путника.

Путь преграждают иногда стволы стланика невиданной толщины. Упорно ломимся сквозь невообразимые заросли и, выбившись из сил, падаем на узловатые ветви, покачиваясь в лесных «гамаках».

Такие цепкие дебри кедровый стланик образует лишь в субальпийском поясе на Курильских островах и по склонам камчатских сопок. Приходится прорубать тропу. Медленно движается наш отряд в зеленом туннеле по склону сопки.

Внезапно стланик редет. Выходим на просторную опушку, заросшую стройными деревцами с курчавой зеленой листвой. Они сходятся куртинами и теснят кедровый стланик. Точно лапы погибших гигантских пауков, там и тут изгибаются распластанные корни и сучья высохшего стланика. Выпирая из земли, крошечные деревца порой раздвигают высохшие плети.

Неужели это камчатская береза?

Над порослью совсем еще юных березок по краю опушки поднимается просветленная роща высоких, слегка искривленных берез с черноватой морщинистой корой. Входим в обширный лес из камчатской каменной березы Эрмана.

— Смотрите, папоротники!..

Сбросив рюкзаки, ребята ловят широкие перистые листья. Сыновья северных старожилов, с первого класса учившиеся в магаданской школе, они знают папоротники лишь по рисункам в учебниках.

Давно путешествуя по северу, я не встречал в тайге обитателей тенистых лесов юга. Теперь тонем в папоротниковом море. Это важное ботаническое открытие.

В подлеске удивительной рощи «орлята» находят рябину, жимолость, ольху, малину, а в тенистых распадах — огромные листья камчатского лопуха, похожие на опахала. У подножия толстого ствола камчатской березы фотографирую папоротник рядом с острыми, саблевидными листьями камчатского ириса. Такой снимок можно сделать лишь в лесах Южной Камчатки.

Вид необыкновенного на дальнем севере березового леса с папоротниками волнует меня. Родина каменной березы Южная Камчатка. Однако на своей родине чувствует она себя плохо — не дает поросли, почти не образует сережек, а листву ее часто объедают вредители.

Хорошо разрастаются леса из каменной березы на сухих склонах сопок в Южном Приморье на Дальнем Востоке. Отлично растет ближайшая родственница каменной березы — вязолистная береза на Курильских островах.

В березовых лесах Камчатки, Курильских островов и Южного Приморья растут папоротники, рябина, жимолость, малина, камчатский лопух.

Чем объяснить буйный рост курильских и камчатских растений на таинственном полуострове среди тайги северного побережья Охотского моря? Может быть, действительно вулканическое тепло греет эту землю?

— Сюда, скорее сюда!.. Мертвый лес!.. — пронзительно кричит из чащи Георгий, начальник высокогорной группы наблюдателей.

Выбираюсь на опушку и вижу печальную картину. На пологом склоне распадка, как призраки, стоят мертвые деревья сказочного леса. Не шелохнувшись, застыли выбеленные дождями сухие стволы камчатской березы.

Кора и листва опали, обнажив высохшие стволы и гладкие ветви, похожие на оленьи рога. Заросли бледно-зеленых папоротников оттеняют мертвенную белизну погибшего леса.

Стучим топорами по голым деревьям, и они звенят, как корабельные мачты.

Что случилось тут, почему березы засыхают и роняют кору? Ведь следов пожара нигде не видно.

Спиливаю сухие, звенящие стволы и пересчитываю годовые кольца. Погибшие деревья все как на подбор одного возраста — семидесяти, восьмидесяти лет.

Загадку мертвого леса удалось разгадать лишь несколько дней спустя...

Удивительная природа полуострова готовит новые и новые сюрпризы. За лентой березовых рощ долину Бургавли стиснули сопки, образуя узкие ворота. Мы вошли в эти ворота и очутились в глубокой долине, закрытой со всех сторон обрывами высоких скалистых гор.

Ну и долина!

Она напоминает вытянутую чашу. Река разветвляется надвое, принимая множество ручьев, стекающих из крутых ущелий. Перевалы в горное убежище обрываются головокружными кручами. В долину ведет лишь один проход — через узкие ворота, которые проточила Бургавли, устремляясь к морю.

Дно кратерообразной долины укрывают заросли поразительного ботанического состава. С непостижимой роскошью здесь разрастаются камчатские и курильские растения.

Вдоль русла высокими колоннами вздымаются тополя неохватной толщины.

Переправившись через быстрый поток, входим в густые тенистые леса камчатской березы. Необычайно высокие деревья сплетаются листвой, укрывая густой тенью тропические заросли папоротников. В таинственном полумраке молчаливо движется наш отряд сквозь дивный лес, напоминающий чащи Кавказа.

Лес прерывается светлыми полянами, и ребята исчезают в гуще высокотравных лугов. Эти заросли могут укрыть всадника. Тропу среди сочных стеблей приходится рассекать охотничьими ножами.

Куда мы попали?

С удивлением разглядываю дикие пуши, чуждые северному побережью Охотского моря. Приходится часто останавливаться — брать редкие растения в гербарий.

Приближаются сумерки. Ноша нестерпимо тянет уставшие плечи. Пора устраивать ночлег. Бивак разбиваем у ручья. Он струится под сенью берез и о чем-то шепчет камням, играя зелеными бородами водорослей. Вода в ручье кажется черной.

Собравшись в кружок у пылающего костра, «орлята» потягивают крепкий чай и, потрясая кружками, вспоминают треволнения минувшего дня.

— Этот лес совсем не похож на Колымскую тайгу.
— А папоротники, папоротники, точно в тропиках.
— Обезьян только не хватает.
— Почему растут здесь южные растения, не понимаю?..

— Приборы, приборы тебе ответят,— подражая моему голосу, солидно кашлянув, наставительно басит Игорь.

Приборы, заботливо обвернутые рубашками и свитерами, покоятся в рюкзаках. Завтра мы поставим Высокогорную станцию.

Перешучиваясь, ребята укладываются вокруг костра в спальные мешки и мгновенно засыпают, утомленные трудным переходом.

Костер догорает. Перекладываю в сухие листья драгоценные растения, собранные в гербарий.

Ночь похоронила фантастический лес. В разрывах темной листвы светятся зубчатые вершины и граненые пики, освещенные луной. Между ними запали глубокие тени ущелий.

Смутная тревога давит сердце. Утром мы уйдем в горы через перевал. Имел ли я право оставлять наблюдателей Южной станции одних на морском берегу, где Юшкевич обнаружил следы неизвестного обитателя землянки? Как уберечь их от опасности?

Легкий шорох чудится в кустах. Вздываю огонь, укладывая в костер здоровенный ствол камчатской березы, забираюсь в спальный мешок, прячу у изголовья заряженное ружье и обнаженный нож и, коснувшись щекой резиновой подушки, словно проваливаюсь в бездонную пропасть.

В АЛЬПИЙСКИХ ЦИРКАХ

...Солнце встречаем на перевале. У ног теснятся ребристые вершины вздыбленной горной страны. Темнеют скальные обрывы и голые осыпи в белых стрелах снежников.

Внизу сквозь утренний туман просвечивают висячие долины и сапфировые озера на моренах.

Склон перевала круто падает в глубокую долину Хиинди. Долина изгибается, рассекая горную страну, и

оканчивается круглым глубоким цирком. Сверху он кажется кратером потухшего вулкана. На каменистом дне его блестит озеро, в ложбинах, на осыпях лежат снежники.

Кратерообразный цирк — в самом сердце Высокогорья. Верховья Хиинди наглухо заперты островерхими вершинами, сплетающимися в мощный узел.

— Там поставим станцию,— указываю своим ружьем вниз.

— В кратере вулкана?!

— Метеорологические наблюдения в цирке, несомненно, прольют свет на природу альпийских долин,— размышляю я вслух.

Притихшие ребята осматривают с птичьего полета пустой кратер, где предстоит разбить одинокий лагерь Высокогорной станции.

Цепляясь за кусты ольхи и стланика, спускаемся ниже и ниже. Склон перевала внезапно обрушивается в долину хаотическим нагромождением расколотых глыб. Осторожно сползаем и прыгаем по каменным ступеням.

На дне долины бежит быстрая река. Берега обросли высокими кустами ольхи. На крутых каменистых террасах разрастается кедровый стланник. Пробираемся вверх по течению Хиинди, карабкаясь по обрывам террас и россыпям древних морен.

Георгий, исследуя крутые склоны долины, идет трудной дорогой и неожиданно находит между пестрыми глыбами пышно разросшийся куст с кожистыми, как у субтропических растений, листьями и пушистыми корзинками бледно-розовых цветов.

Мне приходилось бывать на альпийских лугах Кавказа, и я тотчас узнаю растение:

— Рододендрон — альпийская роза, прямой потомок древней третичной флоры.

Сбросив рюкзаки, ребята любят невиданным альпийцем. Фотографирую ландшафт с цветущим рододендроном на переднем плане. Впоследствии я не раз сбивал с толку ботаников снимком, который можно сделать, как говорили они, «только в горах Южной Камчатки».

Долго идем вверх по течению Хиинди, и вдруг путь преграждает отвесный каменный порог. Река не может

проточить твердых скальных пород и срывается вниз шумным водопадом.

«Орлята», помогая друг другу, взбираются на скальную стенку. Стоим на «балконе» высоко над долиной в преддверии цирка. Перед нами открываются ворота в загадочный кратер.

Плоское ложе загромождают каменистые россыпи. Моренный вал удерживает голубое озеро.

Палатку Высокогорной станции ставим у подножия скалистой башни. Пик «Дождемер» — так называют ребята эту причудливую вершину, складывая на берегу озера пьедестал из камня для цилиндра нашего дождемера.

В бинокль различаю среди зубьев на гребне барьера, запирающего кратер, силуэты снежных баранов. Почувяв человека, обитатели альпийских высот скрываются в скалах. Этот барьер наблюдатели окрестили «Стеной баранов».

В 13 часов ребята взяли первый отсчет с приборов Высокогорной станции.

Обнаженные гряды и шлейфы еще не потемневших морен свидетельствуют о недавнем оледенении цирка. На скальных обрывах кратера ясно проступает граница светлых, словно обмытых скал. Выше скалистые стены потемнели от векового загара.

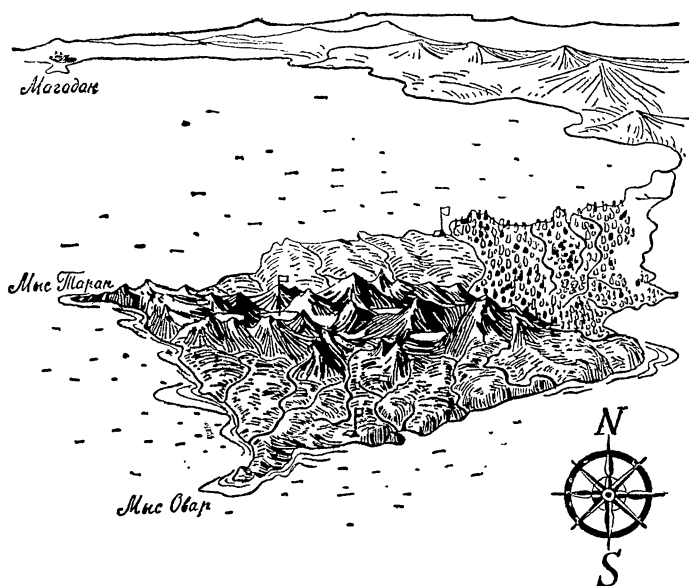
Едва заметный порог отмечает границу светлых скал. Стланики ютятся там, подчеркивая эту линию, опоясывающую цирк на постоянной высоте. Прицеливаюсь эклиметром — триста метров над ложем цирка... не указывает ли угломер толщину ледника, заполнявшего кратер в прошлом?

Погода стоит чудесная. Грызет тревога за судьбу ребят, оставленных на побережье. Решаю не откладывать похода. Уложив в рюкзак трехдневный запас продовольствия, отправляюсь в тяжелый путь по вершинам и перевалам. Хочу исследовать цирки и моренные озера висячих альпийских долин.

Преодолеваю головокружительную кручу «Стены баранов» и поднимаюсь на плечо ребристого пика. Глубоко под ногами, на дне цирка, белеет крошечная палатка наблюдателей.

Я стою на клочке гольцовой тундры, на высоте 1400 метров. Каменистую россыпь устилает ковер сибирских

лишайников: пушистая кладония, зеленоватая аллектория и черные, скрученные, как проволока, стебельки брипогона. Ползучие ивняки блестят среди ягельников глянцевиной листвой, курчавится багульник, прижимаются к земле листики безъягодной брусники.

Альпийские высоты полуострова занимает скудная растительность сибирских гольцов.

Манит близкая вершина. Взираясь по скату, минуя последний кустик кедрового стланика, дважды слышу в камнях свист сибирской пищухи и выбираюсь к небу.

Усыпанный расколотыми плитами пик взлетает над вершинами полуострова.

— Высшая точка... Альтиметр показывает 1550 метров над уровнем моря. Пожалуй, это высочайшая сопка магаданского побережья. Вспоминаю недавний разговор с топографом в Магадане. Называю безымянную вершину — пик «Военных топографов».

Лес горных вершин заслоняет южный берег полуострова. Зато отлично виден весь северный берег, а дальше огромный синий залив Одя и в голубоватой дымке сопки магаданского побережья.

Приникая к биноклю, ищу устье Умары. Отчетливо вижу игрушечную пристань рыбацкого поселка и левее, в устье Малой Умары, синеватую струйку дыма. Свиваясь в кольца, дымок поднимается из прибрежной зелени.

Сигнал... милые мои орлята...

Три дня с двух до четырех часов наблюдатели Северной станции должны палить сигнальный костер. Дым означает: «Все благополучно, приборы действуют».

Опускаюсь на камни, стирая пот с лица рукавом брезентовой штормовки. Яркое солнце слепит глаза. Полной грудью вдыхаю чистый морской воздух, обвевающий вершину.

— Удача!

Теперь на трех станциях четыре раза в сутки ребята одновременно склоняются над приборами. Что покажут эти наблюдения?

Как хорошо на альпийских высотах, у неба. Видишь сокровеннейшие уголки высокогорья. Внизу — целая семья кратеров, они сошлись в сердце полуострова в царстве скал и каменистых россыпей.

Кажется, стоишь на лунном пике и рассматриваешь голый ландшафт неведомой планеты.

Превращаюсь в верхолаза. Трое суток, останавливаясь лишь на короткие ночлеги, пробираюсь по лезвию гребня с перевала на перевал, штурмуя вершины; опускаюсь в лунные цирки, исследую озера, морены и водопады.

Сапоги не выдерживают бесконечных спусков и подъемов по острому, как бритва, плитам — отлетают подметки. Плоскогубцами прикручиваю подошвы проволокой к ранту: старый и надежный туристский способ починки в пути. Подметки на проволочных скобах не оторвешь и клещами.

Открываются тайны высокогорья. Исследую пятнадцать кратерообразных цирков и убеждаюсь, что это не кратеры вулканов.

В каждом цирке — озера, иногда цепочки, лестницы озер, и везде они лежат на моренах недавно исчезнувших глетчеров. В цирках остались лишь снежники, не успевающие стаять в короткое лето на северных склонах.

Строение морен убеждает, что ледники почти не двигались в замкнутых долинах верховьев. Умирающие льды постепенно таяли, оседали, увлекая осколки по-

род. Стены рушились, образуя осыпи, ветры и морозы оканчивали работу мертвеющих глетчеров. Рождались круглые карровые цирки, похожие на кратеры.

В нескольких цирках опять засекаю эклиметром линию бывшей кровли ледников. Получаю тот же отсчет: мощность льда достигала трехсот метров.

Кажется, в руках важное доказательство потепления климата охотского побережья? Потепления, охватившего в последнее тысячелетие северное полушарие и, несомненно, уничтожившего ледники в цирках полуострова. Стаяв, они оставили кучи бесформенных морен.

Неожиданно нахожу альпийские снежники, совершенно розовые, будто облитые алыми лучами заходящего солнца. Микроскопические водоросли, не видимые простым глазом, окрашивают тающий снег.

В погоне за неведомым устремляюсь вниз по долине Орантанджи. Эта речка впадает не так далеко на севере в громадный залив Одян. И вдруг наталкиваюсь на плотный, как железо, фирновый снежник. Он прикрывает часть русла. Но и этот вековой снежник тяжело «болен» — тает, раскалываясь на части.

Иду вперед, на север. Альпийский район остается позади, и долина тонет в невообразимых зарослях. Здесь и непролазные ольховники, ивняки и высоченные камчатские березы с необычайно белой для этих деревьев корой. На дне долины попадаются березы толщиной с пивной бочонок. В подлеске необычайно пышно разрастаются рябина, жимолость, разнотравье и папоротники с громадными пальмовидными перистыми листьями.

Березы и папоротники пышностью превосходят березовые леса в долине Бургавли, замкнутые скалами.

Кедровый стланик разрастается у самой воды чуть ли не в деревья и почему-то гибнет на горных склонах. Там он хиреет, хвоя желтеет и поредевшие ветви опускаются. Вытесняя погибающий стланик, на горные склоны выходят молодые камчатские березы, образуя просветленные рощи.

Постоянно встречаю представителей Колымской тайги: багульник, карликовую березку, голубику, морошку невиданной на севере высоты.

Чем объяснить такое смешение флор и гибель стланика на горных склонах в северной части полуострова?

Гербарная папка распухает. Нести ее тяжело. Хватит, поворачиваю обратно к альпийским высотам. Меня интересуют моренные озера...

Снежники тают, питаю их. На площади высокогорья в 450 квадратных километров насчитываю семьдесят пять озер. Озера невелики и переливают всеми оттенками голубого и зеленого цветов.

Измеряю температуру воды ночью и днем. Она колеблется от четырех до двенадцати градусов. Повсюду вижу ясные следы векового усыхания озер. Многие замкнутые водоемы сократили первоначальное зеркало на две трети. Осушение и зарастание озерных террас отлично видишь с перевалов, точно с вертолета.

Еще одно свидетельство потепления охотского побережья! Уж не потому ли так пышно разрастаются в долинах южные пришельцы?

БЕДА

...Ночной туман окутал ущелье сыростью. После ярких впечатлений альпийского похода не спится. Откидываю полог палатки, завертываюсь в одеяло и долго лежу с открытыми глазами, вдыхая прохладный влажный воздух.

Приходит беспричинная тревога.

На мягкой подстилке из сухих трав спокойно спят «орлята». В цирк Хиинди я спустился на третий день к вечеру, усталый запыленный, в стоптанных сапогах, но счастливый: высокогорное сердце полуострова исследовано.

Все ребята в альпийском цирке загорели. Приборы действовали безукоризненно. Метеорологическая площадка с дождемером, с разборной мачтой, увешанной флюгерами, оживляла ландшафт пустынной котловины.

Хитроумные хлопцы умудрились измерить глубину озера на дне цирка. Чувствительные метеорологические приборы они принесли в горы, обернув автомобильной камерой. «Орлята» надули камеру, Юра заплыл на резиновом баллоне на середину озера и опустил самодельный лот.

Считая цирк кратером, ребята ожидали бездонных глубин. Но самодельный лот показал в самом глубоком

месте двенадцать метров. Альпийский поход убедил, что вулканических кратеров на полуострове нет. Сегодня за ужином пришлось прочесть лекцию о ледниковых цирках.

Палатка тонет в туманной мгле, и я погружаюсь в чуткий, тревожный сон.

Просыпаюсь внезапно, словно кольнули иглой.

Долго ли спал? Почему проснулся? Не знаю. Крутятся обрывки ускользающих мыслей: «Фумарола, проклятая фумарола»... Ага, вспомнил. Видел во сне Юшкевича, и во сне кольнула беспокойная мысль: «Ведь дым, замеченный хлопчиком в укромной бухте с вершины скалистой сопки, вырывался не из вулканической трещины: на полуострове никогда не было вулканов...»

Не там ли нашел убежище человек, оставивший следы на песке? Почему незнакомец избегает людей? Все ли благополучно на Южной станции?

Уснуть не могу. Решаю не отдыхать. На рассвете бужу Георгия, коротко рассказываю о следах на песке и своих опасениях. Предлагаю установить в Высокогорном лагере круглосуточное дежурство. Передаю Георгию свой бинокль.

Не хочу будить ребят. Тихо собираю рюкзак, прощаюсь с Георгием и ухожу в утренний туман.

Гонит тревога. Прямо из цирка переваливаю в замкнутую долину Бургавли. Оставляю в стороне «ворота», перебираюсь в тумане через головоломную южную стенку, спускаюсь в широкую, освещенную солнцем долину и напролом лезу сквозь стланиковые дебри. Вот и разреженные стланики, одинокие тополя с разветвленными кронами. Бегу тропой, проложенной «орлятами» в чозениевых рощах.

Сил нет... Сбрасываю рюкзак и валюсь на зеленый мягкий ковер. После короткой передышки выхожу на открытые луга и приустьевые галечные террасы Бургавли.

Голубая стена моря почти сливается с синевой неба. Четыре часа занял спортивный бросок из цирка Хиинди к побережью.

Наконец-то... вдали, у подножия дюн белеет знакомая палатка.

Вижу ограду из плавника. Вскидываю ружье и стреляю в воздух. Из палатки выбегают фигурки. Тревожно бьется сердце: почему только двое?

У палатки вспыхивает в лучах солнца стекло бинокля. Взлетает дымок, и через секунду слышу ответный выстрел. Ребята бегут навстречу.

Впереди Евгений, за ним Воробьев. А где Юшкевич?

Встречаемся у протока. Ребята похудели, тревожно блестя глаза.

— Где Юшкевич?

Евгений молчит.

— Пропал! — кричит Воробьев. — Говори же, Евгений...

— В прошлую ночь... не вернулся с площадки, до сих пор нету...

— Искали?

— Ходили на мыс Овар, Воробьев искал тут...

— На мыс Овар, зачем?

— Вчера утром Юшкевича не оказалось в палатке. Пошли искать к сопке — думали, фумаролу ушел смотреть. С террасы, где последние курганы, увидели дым на мысе Овар...

— Дым на мысе Овар?

— Взял ружье и пошел. Воробьева в лагере оставил. По берегу нельзя — скалы в море обрываются. Перевалил в долину маленькой речки. Там сквозь лес из чернотвольных берез едва продрался. Два часа шел к мысу. Прихожу, курганов на берегу много, травой заросли. Один курган разрыт. Там теплую золу от потухшего костра нашел. Кругом трава примята, перья валяются и обглоданные утиные кости. А на песке у лагуны следы двух людей...

— Следы людей?

— Один большой, косолапый, как у медведя, другой маленький, наверное Юшкевича, только ноги почему-то босые.

— Куда следы пошли?

— В море, в лагуну, — тихо сказал Евгений. — Весь берег осмотрел, ничего не нашел. Точно на подводной лодке уплыли. И дождемер пропал...

— Дождемер?!

— Утром ни Юшкевича, ни дождемера не нашли, один столб остался.

— Странно...

— В землянке anerоид сломали, — добавил Воробьев.

— А термометры?

— Целы. Журнал в землянке валялся. Температуру, силу ветра Юшкевич записал, а давление и влажность не успел...

— Зачем ночью его пустил?

— В ночную смену упросился. Карабин, фонарь взял, нож.

— А карабин?

— Пропал вместе с Юшкевичем,— ответил юноша, виновато опустив голову.

— Эх, Евгений...

Но можно ли винить парня. Почему я вовремя не предупредил Евгения о следах, найденных Юшкевичем на пляже. Разве отпустил бы юноша мальчика одного в ночную смену наблюдать приборы. Рассказ о следах на пляже не испугал бы «орлят». Я недооценил своих наблюдателей и совершил непростительную ошибку.

— Мы продолжали наблюдения,— рассказывает Евгений.— Психрометр и запасной анероид перенесли в палатку, боялись в темноте спускаться в землянку. Ночью ходили к приборам вдвоем. Осталось у нас охотничье ружье. Воробьев смастерил копьё, вместо лезвия привязал нож...

Исчезновение Юшкевича расстроило меня. Неужели старый краевед прав, и ребята на полуострове станут обузой? Нужно было опять искать парнишку.

Спешу осмотреть землянку. Песок на полу подземелья взрыхлен, подстилка из сухой травы раскидана.

— Ого, Юшкевича захватили в землянке врасплох, но хлопчик сопротивлялся.

— Смотрите, Юшкевич хватил его барометром...

Евгений показывает пятнышко крови на вмятине никелированной оправы и полустертую цифру в журнале. Он заметил запись только сейчас. Юшкевич успел записать первую цифру отсчета с анероида и, отбиваясь, вероятно, ударил прибором нападавшего.

— Смелый парнишка...

— Куда увели его, где он? — Воробьев испуганно разглядывает бурое пятнышко на барометре.

— Фумарола, проклятая фумарола,— бормочу я.— Выбираюсь из землянки и бегу к палатке. Теперь я знаю, где искать Юшкевича.

Лодки у нас нет, но можно обогнуть Скалистый мыс на плоту и проникнуть в фиорд, открытый Юшкевичем.

- А карабин? У Юшкевича отняли карабин...
- Сколько было патронов?
- Три в магазине, один в стволе...
- Опасное дело... Хватит уложить троих.

Плыть в фиорд нужно ночью в рассветный туман. Против карабина у нас два охотничьих ружья и внезапность атаки. Вряд ли Робинзон знает, что убежище его открыли. В опасный рейс пойдет Евгений — без гребца не обойдусь, в руках у меня будет оружие. Воробьев останется у приборов.

Днем сносим к палатке сухие бревна плавника, словно укрепляя ограду. Скрываем свой замысел: чужие глаза, может быть, следят за лагерем.

В 19 часов уходим на метеорологическую станцию. Ребята склоняются над приборами, снимают показания и в цирке Хиинди, и в далеком устье Умары. Обшариваю мыс Овар в сильный морской бинокль.

Пусто... на узкой стрелке светятся далекие лагуны, горбятся заросшие курганы землянок. Там тоже был когда-то многолюдный поселок древних коряков.

В палатке не спим, идет работа — строгаем весла. Воробьев в карауле у ограды. Двенадцать сухих бревен тополя готовы для обвязки. Собраны все веревки, сняты оттяжки с палатки. Туманная ночь накрывает море и берег.

Пора...

Взваливаем бревна на плечи, спускаемся к морю. Шуршит песок. Море тихо играет створками разбитых раковин. Туман густой. Слышу шорох шагов и дыхание, а ребят не вижу.

Идем к Скалистому мысу. Там соберем плот. Каменная стенка мыса заслоняет вход в фиорд. Если спустим тут «рейдер», в тумане не собьемся — найдем близкий фиорд.

Теряем несколько часов на переноске снаряжения. Отлив в разгаре, подводные камни обнажены — шероховатые от твердых, как наждак, полипов. Босиком по этой терке не пройдешь, работаем в сапогах. Плот вяжем вдвоем на плоских плитах. Воробьев с ружьем охраняет берег. Прилив зальет камни — и плот всплывет.

Ну и темь... едва различаю выбеленные стволы тополя.

— Прилив скоро...— Голос Евгения отдается в скалах, точно в пустой бочке.

— Ш-ш-ш, тише, у скал есть уши. Успеем...

Два часа вяжем плот, пригоняем уключины и весла. Ночь светлеет, близится рассвет. Где-то вполголоса разговаривают чайки. Туман по-прежнему скрывает все вокруг.

Вода прибывает. Концы связанных бревен лижет наступающее море. Тревожно бьется и замирает сердце. Выбираюсь на берег, протягиваю Воробьеву запечатанный конверт.

— Передашь старшине катера...

— Есть... — шепчет хлопец, прячет письмо за пазуху и отдает последнее ружье, оставляя себе копье. Я сжимаю тонкую, но крепкую руку юноши.

Катер должен подвести на кунгасе вьючных лошадей из Сиглана. Вьюками нужно отправить продовольствие наблюдателям Высокогорной станции.

— Всплываю... — хрипит из тумана Евгений.

Пробираюсь на плот по воде. Отталкиваемся веслами от рифов и выходим в море. Волны нет, едва покачивается. Легкие бревна отлично держатся на воде, и мы налегаем на весла.

В светлеющем тумане проплывает морщинистая каменная стена. Море тяжело вздыхает у подножия скал.

Огибаем мыс. Словно во сне, вижу причудливые столбы обрушенных ворот и узкую щель фиорда. Прилив гонит плот в эту щель. Из тумана vyplывают нависшие глыбы, готовые придавить непрошенных гостей. Течение втягивает плот в закрытый со всех сторон фиорд.

Заплыли кажется в глубокий кратер, затопленный морем. Брезжит рассвет, туман редет. Черные скалы блестят, сверху сочится вода. Холодный влажный воздух стесняет дыхание.

Вдруг Евгений веслом указывает вперед. Совсем близко сквозь призрачный занавес тумана вижу черную пасть расщелины.

Пещера?!

Течение стихло. В белом облаке тумана плот застыл перед зияющим провалом. Ни звука, мертвая тишина. Стучит сердце. Давит смутное ощущение скрытой, притаившейся опасности.

Прогремит ли выстрел из отверстия в скалах?

Ждать нельзя. Тихо поднимаю курки ружей. Одностволку кладу на мокрые бревна. Евгений опускает весла, плот скользит к расщелине навстречу опасности.

Откуда взялась смелость? Изловчившись, выпрыгиваем на гранитный цоколь и устремляемся в пещеру. Евгений включает электрический фонарь, чтобы ослепить противника.

Луч света выхватывает из тьмы пустое ложе из сухих трав, золу потухшего костра, полуразбитую выдолбленную лодку, груды хлама в каменной нише...

Ушел из берлоги...

Зола еще теплая. Разгребаю кострище и нахожу тлеющие угли. Исследуем грот. Расщелину образовал чудовищный сброс. Часть скалы осела, фундамент ее уперся в преграду где-то в глубине моря. Съехавшая скала привалилась к отвесной стенке, оставив случайную щель.

В глубь скалы щель уводит недалеко. Путь преграждают глыбы обвала. У входа грот расчищен руками человека. Пол в глубине устилает ложе из сухой травы. Жилище уютное — сюда не проникает дождь, не задувает ветер. Даже пресная вода под рукой. Откуда-то сверху спадает тоненькой серебряной струйкой скальный родник.

В этом убежище можно скрываться годами. Челн, выдолбленный из ствола тополя, сгнил.

Удивительно... следов топора на древесине нет. Челн выдолбили тупым, вероятно, костяным орудием.

Евгений разбирает кучу хлама в каменной нише. Извлекает черепки разбитой глиняной посуды с древнекоряжским орнаментом, сверток истлевших изорванных в клочья шкур морских зверей, пожелтевшие от времени костяные фигурки, выточенные из морского бивня, иглы из рыбьих костей, куски полусгнивших сетей, сплетенных из травы.

Неужели это древнекоряжские сети из волокна крапивы? Куда мы попали, в пещеру человека каменного века, что ли?

— Ботинок?!

Евгений вытягивает на свет из пещерного хлама громадный стоптанный башмак. Рассматриваю находку, безусловно XX века.

Здоровенные ржавые гвозди вколочены в сбитый каблук. Кожа ботинка сморщилась и почернела. Вместо шнурков обрывки ремешков из нерпичьей шкуры, мохнатые от серебристой шерсти. В истертой кожемитовой подметке дыра с чайную чашку.

— Что за черт... из дыры торчит угол записной книжки. Невероятное смешение эпох...

Евгений дико вскрикивает и протягивает руку к записной книжке, пальцы его дрожат.

— Дневник, дневник Юшкевича...

Лихорадочно листаю странички, мелко исписанные карандашом.

Старые записи, какая жалость...

Переворачиваю последнюю страничку и вижу буквы, выведенные торопливой рукой. Строчки расползаются вкривь и вкось:

«В плену у Краба, уплываем ночью в «Бухту смерти».

Жив...— опускаемся на утрамбованный пол. Короткая запись непонятна. Ясно лишь — мальчик попал в беду.

— Упустили, Женья: с вечерним отливом увез Юшкевича...

— Кто? Куда?

— Не знаю...

* *

*

...В путешествии события часто сплетаются в мертвый узел, и кажется, что все пропало и планы экспедиции рухнули.

Тугой узел завязала нам жизнь на полуострове. Загадочное исчезновение Юшкевича спутало все планы. Нужно было не мешкая продолжать поиски.

— Но где искать?

Мы собираемся в тесном кубрике катера у морской карты побережья. Южный берег полуострова изрезан бухтами. Где же проклятая «Бухта смерти» — такого названия на карте нет.

Катер пришел из Сиглана утром. Матросы выгрузили из кунгаса трех вьючных лошадей и пустили их на тучные луга. Пополнился и состав экспедиции.

С лошадьми приехал проводник — семидесятилетний ороch Илья Бабцев. Глаза его под нависшими веками, опутанные сетью морщин, светились добродушием и

бесхитростной приязнью к людям. Жесткие черные волосы прикрывала старая кепка. Невысокий коренастый старик одет в телогрейку, штаны из оленьей замши и мягкие летние торбазы.

Вместе с Ильей на берег сошел смуглый молодой человек в резиновых сапогах с отвернутыми голенищами. На ремне за спиной — четырехлинейка. В карих глазах сквозит решительность и прямота. Это учитель Сигланской школы Михаил Петрович Сабенин.

Ему я писал в Сиглан — просил помочь в найме опытного проводника и вьючных лошадей. И вот старожил края, страстный охотник, влюбленный в тайгу, сам приехал к нам. Занятия в школе давно окончились, и учитель решил поохотиться на таинственном полуострове.

Сабенин тотчас соглашается помочь экспедиции. На рассвете он уйдет с вьючным караваном в горы — перебросит продовольствие наблюдателям Высокогорной станции и поживет с «орлятами» в пустынном альпийском цирке. В горах он поохотится на снежных баранов и снабдит обитателей лагеря дичью.

В кубрике катера идет совещание. Всех тревожит судьба пропавшего мальчика. Намечаем план поисков, раздумываем, кто увел его.

— Однако худой люди далеко не ходил, в бухте мертвых спрятался... — вдруг говорит Илья, вынимая из рта трубочку, выточенную из березового корня.

Старый проводник все время сидит на матросской койке, молчаливо покуривая трубочку у открытого иллюминатора.

— В бухте мертвых? Ты знаешь, где эта бухта?!

— Старый люди говорил, отец однако давно показывал...

Неповторимым красочным языком старик рассказывает предание орочей о «бухте мертвых».

Лет триста назад орочи, теснимые якутами, вышли на побережье Охотского моря. Здесь они встретили коряков — исконных морских зверобоев. В прежние времена бесконечных раздоров судьба коренных племен магаданского побережья решалась в кровопролитных битвах. Орочи потеснили коряков. Опустели поселки приморских зверобоев от Наяхана до Тауйской губы.

Двести лет назад орочи разгромили последние поселки коряков на южном берегу полуострова Кони. Уце-

левший отряд корякских воинов укрылся от беспощадного истребления в дальнюю бухту, прикрытую с суши отвесными скалами.

Долго оборонялись коряки в неприступном убежище. Однажды в темную ночь орочи прокрались на лодках в бухту и задушили часовых. В ожесточенной схватке погибли остатки древних обитателей полуострова.

Илья снова зажигает свою березовую трубочку и говорит:

— Однако много костей на земле, валяются полумертвые копья, потому старые люди «бухта мертвых» место называют...

— Можешь указать это место?

— Однако могу, на Хентанару кочевать надо.

Важное сообщение Ильи определяет план операций. Решаем действовать наверняка с суши и с моря. Вручаю старшине катера письмо с планом бухты, нарисованным Ильей. Через несколько часов конверт распечатывают в Магадане. Задержать неизвестного помогут пограничники. Тотчас после возвращения вьючных лошадей из цирка Хиинди я с Ильей отправлюсь в поход вдоль южного берега полуострова — блокировать «бухту мертвых» с суши.

Катер ушел. Начался ход горбуши. Бургавли кипят. Река запружена рыбами, плывущими вверх по течению на нерест. В воде тесно, вся река от берега до берега рябит спинами рыб.

Впервые вижу массовый ход дальневосточного лосося, и это зрелище потрясает силой жизни. Отложив икру, дав жизнь потомству, эти рыбы погибнут. Илья принес маленькую сеть, мы залезаем в живую кашу и зачерпываем у самого берега с сотню полуметровых горбатых рыб.

Лакомимся великолепной ухой и вкусной лососиной. Набиваем красной кетовой икрой ведра, кастрюли, котелки. Икру едим ложками, как кашу. Здесь можно приготовить бочки дальневосточного лакомства.

Хоть на сердце очень тревожно, все же собираем икру для наблюдателей Высокогорной станции в бидоны и пустые баллоны огнетушителей. Илья и Сабенин уводят вьючный караван с продовольствием в альпийский цирк. Я ухожу на мыс Овар с тайной надеждой отыскать новые следы Юшкевича.

В распадке, за невысоким перевалом, заставаю в непролазных березовых джунглях. Камчатские березы заплели ветвями распадок, невиданные выющиеся растения лианами обвивают стволы и ветви.

Там, где распадок открывается к морю, растут чернокорые березы, похожие на вяз.

Уж не промежуточные ли формы камчатской и курильской березы посчастливилось найти в этом укромном распадке?

Беру в гербарий образцы коры и листву, фотографирую уникальные промежуточные формы двух видов березы. Такому снимку позавидует любой ботаник...

На мысе Овар я не обнаружил новых следов. Два дня спустя мы с Ильей выступили в поход на Хентанару.

В БУХТЕ МЕРТВЫХ

...Лошадь с вьюком падает, и, кажется, поднять ее невозможно. Ложбина среди скал завалена каменными глыбами. Всюду чернеют щели и глубокие карманы.

Илья кричит, расстегивая подпругу. Стаскиваю седло с вьюком, проклиная все камни на свете. Лошадь повалилась почти на спину. Кругом перекошенные плиты — ступить копыту негде. Приходится мостить обломками ровную площадку.

Двое суток шли сюда, почти не отдыхая. Нелегко передвигаться с вьючными лошадьми вдоль южного берега полуострова. Горы обрываются в море. Круто скошенные скаты завалены щебнем. Каменистые россыпи в ложбине выматывают последние силы.

С трудом поднимаем лошадь, ноги ее дрожат и подкашиваются. Дальше пути нет. Илья кивает на ручей, спадающий по глыбам.

— Палатку ставить надо... Лошади спутать ноги...

Совсем близко ярко зеленеют клочок альпийского луга и рощица камчатских березок. Травы и одинокие деревья пышно разрастаются у ручья на ровной площадке, свободной от камней.

— Далеко бухта?

Илья указывает трубкой вверх — на гребень, где торчат зубья.

...Там, за скалистым барьером, ожидает помощи Юшкевич.

Не зря старый следопыт привел в эту ложбину. Из «бухты мертвых» можно выбраться двумя путями: морем на лодке или, карабаясь по крутой осыпи случайного обвала, через гребень в ложбину. Много лет назад этот путь нашел отец Ильи, преследуя снежных баранов.

Растягиваем палатку в березовой рощице. Выход из бухты на суше блокирован. Илья неторопливо греет закопченный чайник на костре.

— Пошли на гребень, Илья.

— Зачем торопишь, чай пить надо.

Пьем крепкий, почти черный чай. Станный вкус у этого чая. Вяжущий напиток с каждым глотком вливает новые силы.

— Однако дикий чай варил...— усмехается Илья.— Совсем сильным станешь.

Старик протягивает ситцевый мешочек, наполненный мелкими глянцевыми листочками.

— Дикий чай пьешь — по следу баранов долго ходишь...

С любопытством рассматриваю листочки, прошу Илью раздобыть целое растеньице в гербарий.

— Эх, Илья, пойдем ли на Богурчан? Парнишку выручить из беды надо.

— Богурчан пойдем — собирай много, полный мешок...

Илья роется в переметной суме, вытаскивает модную дамскую сумочку и вытряхивает на смуглую ладонь длинные патроны, заряженные тупыми пулями.

— Хорошая сумка, фактория купил,— бормочет старый следопыт, сосредоточенно осматривая пистоны и пробуя, крепко ли забиты пули.

Он заряжает длинноствольную бердану. В руках опытного охотника это грозное оружие. В семьдесят лет старик не потерял остроты зрения и куропатку сбивает пульей на лету.

Заряжаю свою двустволку «медвежьими» патронами — с тяжелыми свинцовыми жаканами.

Путь наверх крут и опасен. Лезем выше и выше, подбираясь к застывшим каменным перьям. Вот и край гребня. Подползаю, осторожно выглядываю и отшатываюсь... Ух! Повис над пропастью. Внизу море, подернутое рябью; плавно кружат белокрылые чайки. Бухта стиснута клещами исполинского цирка.

Зеленоватые волны неслышно лижут обточенные блестящие камни, точно спины уснувших моржей. Вход в бухту стерегут фигурные скалы. Они поднимаются из моря то причудливой пирамидой, то изваянием льва, то горами разрушенных замков.

Ну и уголок!

Цирк наглухо запирает полукружье всячей долины. Двести лет назад здесь погибли в жестокой схватке последние обитатели полуострова.

Почти от гребня уходит фантастическая лестница глыб и обломков. Если спрыгнуть на эту осыпь, можно сползти по глыбам на дно цирка.

Осматриваю в бинокль скалистую бухту и всячую долину. Море когда-то заливало размытый цирк. Вижу каждый камень, каждый бугор. Различаю кустики багульника и голубики. Замкнутую долину устилает пестрый ковер лишайниковой тундры. У подножия скального обрыва дно цирка усыпано беловатыми обломками.

— Не кости ли это погибших воинов?

— Однако там убивали коряков,— говорит Илья.

Обшариваю все закоулки всячей долины. Нет и признаков жилья, ни души, белеют лишь кости. Мертвая бухта.

— Нет Юшкевича... неужели погиб?

Старик берет бинокль, шурится, принося к стеклам, и пристально рассматривает долину и бухту.

— Люди ушли... флаг оставили.

— Где видишь флаг?

— Хорошенько смотри... пестрый камень на берегу.

Хватаю бинокль, долго осматриваю берег. Вижу ленту морской капусты, бревно плавника, засыпанное галькой.

— Ага, вот пестрый камень и... флажок, маленький красный флажок на палке.

— Кто поставил его?

— Люди...— невозмутимо отвечает Илья.— Ходить надо, смотреть.

Разматываю альпийскую веревку, закидываю петлю на каменный зуб, спускаю конец на осыпь. Обратно на гребень можно выбраться с осыпи только по веревке. Спрыгиваю на груды камней, принимаю котомку и бердану. Помогаю Илье.

Вот так спуск... Сползаем с глыбы на глыбу, проваливаемся в щели между обломками и, наконец, съезжаем с волной щебня в долину.

Бедные штаны... брезент висит клочьями, пуговицы на штормовке сорваны.

Осторожно шагаем по каменистой площадке, усыпанной человеческими костями. Валяются пробитые черепа, переломанные берцовые кости. У нависшей каменной глыбы грудная клетка, пронзенная обломившимся копьём. Рядом топор из черного камня, расколотый надвое. Кости, выбеленные временем, заросли лишайниками.

Раскопки старинного поля боя помогут когда-нибудь прочесть до конца мрачную страницу прошлого. Кости рассыпались и у края морской террасы. Вероятно, здесь нападающие столкнулись с авангардом защитников. Развязка трагедии разыгралась в дальнем углу цирка. Сюда отступили корякские воины и, грудью встретив преследователей, погибли в неравной битве.

Печальная картина.

Отвесные стены у моря увиты венками скальных растений. Из трещин сочится вода, и зеленые скалолазы хорошо укореняются тут. Скалы, запирающие бухту,— в птичьих базарах.

Подстерегая добычу, замерли на карнизах бакланы. Из трещин торчат красноносые головки тупиков. Тучи чаек носятся в воздухе.

С пьедестала дальней скалы, похожей на львиную голову, соскальзывают в море тяжелые туши сивучей. Ландшафт бухты напоминает суровые восточные берега Камчатки.

Внизу у пестрого камня торчит в прибрежной гальке штырь с красным флажком.

Вымпел?!

На штанге пристегнут блестящий алюминиевый цилиндр. Отстегиваю патрон, открываю крышку.

Бумага, свернутая трубкой!..

Илья с любопытством заглядывает через плечо. Чайки выются над головой с пронзительными воплями.

— Однако письмо...

Торопливо развертываю бумагу и читаю:

«Ждать больше не могу, оставляю вымпел. Ваш парнишка герой, помог задержать волка. Уходим в Магадан.

Плыть в город Юшкевич наотрез отказался, говорит приборы ждут. Высадим парнишку на вашу базу в устье Бургавли. Сердечный привет, извините — миноносец сносит на скалы...»

Короткое письмо подписал незнакомый лейтенант.
Гора с плеч!

— Однако быстро ловили,— прищелкивает языком старый следопыт, осматривая пустой алюминиевый патрон вымпела.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

...Последний перевал пройден. Позади осталась горная котловина верховьев Хентанары с густыми березовыми лесами и папоротниками.

На перевальной седловине, впервые за два месяца скитаний, находим лиственницу. Это карликовое деревцо в полчеловеческого роста — предвестник Колымской тайги.

Ниже, в долине Богурчана, вздымаются огромные лиственницы. Они принимают иногда облик хвойных деревьев Курильских или Японских островов с плоской кроной и ветвями, похожими на флаги. В лиственных борах много морошки, голубики, багульника.

Начинается царство континентальной сибирской флоры. Исследуя распространение лиственницы на полуострове, прокладываем маршруты во всех направлениях.

Поражает смешение растительности. Ночуем в светлых прирусловых лесах из ветлы. Такие леса пышно разрастаются на Камчатке. В мир лиственничной тайги проникают по горным склонам камчатские березы с папоротниками. Их стволы здесь искривлены, и березовые рощи напоминают дикие фруктовые леса горного Таджикистана.

На перешейке Илья показывает остатки старинной изгороди. Оказывается, пятьдесят лет назад ороочи-оленьеводы перегораживали перешеек, выпуская тысячные стада оленей на полуостров на вольный выпас.

Осматриваю уцелевшие части поваленной изгороди. Полстолетия назад ее сложили из тонких лиственниц. А теперь вокруг растут толстые деревья. Лиственничная тайга разрастается, наступает на перешеек.

Эх, если построить изгородь на полуостровах северного побережья Охотского моря, можно вдесятеро увеличить оленеводство в приморских колхозах, снабдить олениной Магадан и все поселки Северного Приморья!..

Утоптанная выючная тропа близ моря ведет к устью Умары, где приютился маленький рыбацкий поселок. По соседству, где-то в приустьевых зарослях Малой Умары, скрывается палатка наблюдателей нашей Северной станции.

Пахнет дымом, поселок близко, лошади бегут рысцой. Редуют лиственницы. Илья выводит маленький караван на морской берег. На севере в дымке маячат сопки магаданского побережья. Берег усыпан раковинами — пустыми хитонами морских ежей, устлан полупрозрачными лентами морской капусты. Зеленоватые волны шипят, играя галькой.

Отлив. Проходим мимо крошечного поселка. Пристань под навесом из веток напоминает свайную хижину папуасов Новой Гвинеи, точно выстроенную по рисунку Миклухо-Маклая.

Настоящий «Берег Маклая»...

Спешим по галечной отмели к зарослям Малой Умары. Не терпится поскорее узнать, все ли благополучно у наблюдателей Северной станции?

Вдруг из зарослей на отмель выбегают полунагие темнокожие люди. На бедрах развеваются зеленоватые ленты.

Папуасы?!

Илья останавливается и, прикрыв глаза козырьком ладони, изумленно разглядывает бегущих.

— Что за люди? Совсем дикие!..

— Ура-ра... наши пришли!

— Да это же «орлята», мои наблюдатели.

Почти два месяца мы не виделись. Ребята окрепли, загорели необычайно и встречают нас, разодевшись в шуточные наряды из морских водорослей. Палатка стоит на песчаной косе на берегу прозрачной Умары, среди живой изгороди разросшихся ивняков.

На вешалах вялится рыба, пестреют шкурки морских птиц для школьной коллекции; на козлах висят сети, сушатся переметы, на песке лежат вентери, плетенные из ивовых прутьев. Стол, сколоченный из досок, уставлен вымытой посудой, начищенными котелками; в песок вры-

ты лавочки. Лагерь наблюдателей похож на стоянку рыбаков и охотников.

Ребята молниеносно развьючивают лошадей, уводят уставших коней на луга.

Нетерпеливо спрашиваю Валерия о приборах. Старший наблюдатель молча поправляет очки и протягивает журнал в клеенчатой папке.

«Полуостров Кони, устье Умары, высота станции два метра над уровнем моря». Переворачиваю титульный лист. Журнал заполнен аккуратно, без помарок. Видимость, облачность, ветер, температура, влажность, давление... изо дня в день, четыре раза в сутки.

Придирчиво проверяю записи. «Орлята» постарались, ошибок нет.

— Термометры медведь чуть не раздавил,— говорит Валерий,— забрел ночью на площадку. Петя тревогу поднял, прогнали.

Три часа. Пора зажигать последний сигнальный костер. Илья вовремя вывел на Умару: сегодня на вершине пика Военных топографов наблюдатели Высокогорной станции будут ждать условленного сигнала.

Ребята быстро складывают клеть сушняка, прикрывают костер одеялом лесных мхов. Столб темного дыма медленно подымается над зарослями. Наш сигнал означает: «наблюдения окончены, снимайте Высокогорную станцию». Всматриваюсь через бинокль в далекую вершину и вижу тонкую струйку дыма. Вершина курится, словно действующий вулкан. Наблюдатели горного отряда зажгли ответный сигнал.

Последнюю ночь в устье Умары «орлята» не спят и бродят по лунному берегу, где так хорошо провели лето.

С туманным рассветом приходит катер, и мы погружаемся в знакомый черный кунгас. У опустевшей отмели долго стоит, опершись на посох, Илья, провожая уплывающих. Рядом навьюченные лошади. Старый проводник уйдет по тропе в родной Сиглан. Трудное путешествие сдружило нас. Увижу ли я еще чудесного старика?

Благополучно огибаем мыс Таран. Вдали едва мутнеет низкий мыс Овар. Не расстаюсь с биноклем, жадно осматриваю скалистые западные берега полуострова. В крутых распадках зеленеют рощи камчатской бере-

зы. Море спокойно, и катер, освещенный солнцем, быстро плывет к далекому мысу, ритмично постукивая мотором.

Через час огибаем песчаную стрелку с лагунами. В бинокль вижу мачту с флюгером на метеорологической площадке. Палатки не видно за дюнами.

Стук мотора далеко разносится в притихшем воздухе. Разглядываю пустой пляж.

— Почему не видно ребят? Неужели не слышат звука мотора?

Вдруг на песчаный гребень выбегают фигурки. Раз, два, три, четыре... бинокль дрожит, сбиваюсь со счета. Берег наплывает. Считаю опять.

— Кажется, все...

— Смотрите, Юшкевич!

Вижу крошечную фигурку, отплясывающую дикий танец на пляже.

...С радостью встретились друзья после долгой разлуки. Команда катера отдыхает в устье Бургавли. Якорь поднимем в полдень и уйдем в Магадан — через три дня в школе начнутся занятия. Еще накануне Сабенин благополучно вывел наблюдателей Высокогорной станции на побережье.

«Орлята» радостно упаковывают снаряжение, снимают палатку.

Приятно возвращаться домой после трудной экспедиции.

Передо мной на выючном ящике три метеорологических журнала. Рассматриваю их с жадным любопытством.

Оказывается, на полуострове температура воздуха выше, чем на магаданском побережье, на четыре-пять градусов выше и влажность воздуха — больше выпадает осадков, чаще образуются туманы.

Сравниваю между собой показания приборов на трех станциях.

Поразительная разница в климатах...

На северном берегу полуострова мягче и суше, чем на южном. Температура днем на шесть градусов выше, ясных дней впятеро больше, а осадков меньше. В альпийском цирке получены переходные данные: теплее, чем на юге, и прохладнее, чем на севере полуострова.

Так вот в чем дело! Приборы решают загадку ландшафтов.

Морской климат полуострова теплее, а влажность воздуха выше, чем на соседнем сибирском континенте. Поэтому в защищенных долинах пышно разрастаются камчатские и курильские растения. В горных котловинах камчатская флора, некогда занимавшая северное побережье Охотского моря, переживала похолодания, а теперь, в эпоху потепления, стремительно выходит из горных убежищ на склоны сопок.

— А стланиковые дебри и лиственница? — спрашивает Георгий.

— Кедровый стланник пышно разрастается в южном приморском районе, где много влаги, и гибнет в северной части полуострова с более сухим климатом. В «континентальный» угол полуострова — на перешеек пришла даурская лиственница.

Юшкевич уже рассказал о своих приключениях. Землянку в кургане вырыл Краб — так представился ему незнакомец. Три года назад матерый уголовник бежал из-под стражи и укрылся в дебрях полуострова. Много преступлений лежало на совести этого человека.

На полуострове он жил отшельником. Разрыл курган для землянки, нашел орудия древних коряков, а в кустах кем-то оставленный челн. Охотился на тюленей и за три года совсем одичал. Не отличаясь от краба, предпочитал есть сырое тюленьё мясо, добывал на птичьих базарах яйца, питался моллюсками. Однажды с приливом челн попал в укрытый фиорд, и робинзон обнаружил пещеру в скалах. Там лежали побелевшие кости человека — вероятно, в этом укромном убежище два столетия назад некоторое время спасался последний житель разгромленных корякских поселков.

На метеорологическую площадку Краб пришел за дождемером: кастрюли у него не было, в курганах он находил лишь черепки разбитой глиняной посуды, а в дождемере собирался варить суп. В землянке столкнулся с Юшкевичем. Паренек ударил его анероидом.

Краб не решился убить мальчика и увел его. Может быть, беглеца одолевало одиночество?

Задержали Краба военные моряки.

Юшкевич ухитрился вынуть из карабина патроны, и отшельник сдался без боя.

Мы собрались на берегу вокруг догорающего костра. Прощаясь с полуостровом, сжигаем ненужную ограду из плавника. Оглядываю поздоровевших, возмужавших «орлят». Нам посчастливилось исследовать последний остров камчатской флоры, оставшейся среди сибирской тайги, и раскрыть тайну загадочного полуострова.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Черное покрывало	5
Погоня за невидимкой	17
Трубка и кiset	30
Розовая куропатка	40
Спящая ящерица	48
Полуостров загадок	58

Виктор Николаевич Болдырев

ПОЛУОСТРОВ ЗАГАДОК

Редактор *Г. К. Григорьев*
Младший редактор *Б. Н. Малко*
Художественный редактор *Е. А. Радкевич*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Корректор *Г. И. Ландратова*

Т-068336. Сдано в производство 30/III-59 г. Подписано в печать 9/VI-59 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печатных листов 3/25, условных листов 5,33. Издательских листов 5,09. Тираж 100 000.
Заказ № 3000. Цена 1 р. 55 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского Совнархоза, Москва, Ж-54, Валуевская, 23

Товарищи читатели!

„Земля и люди“. Географический календарь-ежегодник на 1960 год, 25 п. л., ц. 13 руб. (Поступит в продажу в ноябре — декабре 1959 г.)

Третий год издается в нашей стране географический ежегодник (календарь) «Земля и люди». Это новый и своеобразный вид издания, в одной из рецензий названный «маленькой географической энциклопедией». Он рассчитан на всех, кто интересуется географией, стремится познавать природу нашей планеты, ближе знакомится с природными богатствами Советского Союза и их использованием, с жизнью людей в разных уголках Земного шара, с полной увлекательных приключений историей открытий и исследований Земли.

Читатель найдет в этой книге рассказы и статьи, литературные отрывки и стихи, занимательные задачи и кроссворды, географические головоломки и викторины. На страницах календаря, интересно и красиво оформленных, помещено много оригинальных рисунков и карт, портретов замечательных деятелей географии и смежных наук, фотоснимков, запечатлевших города и картины природы Советского Союза и зарубежных стран, людей и животных, растения и минералы.

Пользуясь географическим календарем в течение года, читатель сможет по летописи следить за всеми выдающимися юбилейными датами, связанными с географией, видеть смену сезонных явлений природы в нашей стране.

В создании календаря приняли участие многие советские географы, писатели, художники, фотокорреспонденты.

В продаже имеется географический календарь „Земля и люди“ на 1959 г.

Путеводители

Дмитриев Е. Кавказские Минеральные Воды, 1956 г., 66 стр., цена 3 руб.

Краткий путеводитель. Интересно написанный текст знакомит с основными достопримечательностями района Кавказских Минеральных Вод, с его географией и историей. В справочном отделе помещены адреса курортов, санаториев, гостиниц, ресторанов, музеев.

Рябчиков Е. Волго-Дон, 1956 г., 63 стр., цена 4 р. 55 к.

Краткий путеводитель. Живо написанный текст знакомит с основными достопримечательностями трассы Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, с географией и историей района, по которому проложен канал. В справочном отделе помещены адреса необходимых учреждений.

Путеводитель красочно оформлен. Рассчитан на самые широкие круги читателей. Особенно полезен для тех, кто отправляется отдыхать или путешествовать.

Сементовский В. Н., Феденко И. И. Москва—Астрахань. 1955 г., 175 стр., цена 2 р. 70 к.

В путеводителе приводятся основные сведения о природе, хозяйстве и культуре, описаны достопримечательности городов и других пунктов, по которым проходит водный маршрут Москва — Астрахань.

Путеводитель рассчитан на широкие круги читателей. Он хорошо иллюстрирован и снабжен справочным отделом и картами.

Приобрести эти книги можно в местных магазинах книготоргов и в специализированном отделе «Книга—почтой» по адресу: Москва, Е-116, Энергетическая ул., д. 8, корп. 2.

Цена 1 р. 55 к.

ГЕОГРАФИЗ